

Елена
Михалкова

Знак
истинного
пути

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

Знак Истинного Пути

«АСТ»

2007

Михалкова Е. И.

Знак Истинного Пути / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2007 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея
Бабкина)

ISBN 978-5-17-078159-1

Сыщики Макар Илюшин и Сергей Бабкин расследуют дело о пропавшей девушке. Никто не верит в то, что Элина жива, кроме ее матери. Лишь один человек способен узнать правду – Макар Илюшин. Что случилось с Элиной Гольц? Как далеко заведет детektivов их расследование? И что за страшные тайны обнаружатся в благополучном семействе Евгении Гольц? Читайте о первом совместном деле Илюшина и Бабкина в романе Елены Михалковой «Знак истинного пути».

ISBN 978-5-17-078159-1

© Михалкова Е. И., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Михалкова

Знак истинного пути

Она забыла, где садится солнце – на востоке или на западе. Эта мысль ужаснула ее. Господи, она не может вспомнить, где садится солнце! Такое просто невозможно! Почему-то именно сейчас, когда она уже почти падала от усталости, от страха, охватившего ее, от боли, пронизывающей от локтей до коленок, стало неимоверно важно, где садится солнце. На востоке или на западе? Куда же она бежит?!

Она подняла глаза к небу и на мгновение увидела не солнце, а луну – темную, рваную, с глубокими провалами в середине диска. Зажмурила в ужасе глаза, а когда открыла – луна исчезла. Морок, только Морок.

Солнце садилось за горизонт – огромный красный полукруг с неровными краями. Так рисуют дети. Дети! Она захохотала, остановившись на краю леса и глядя на солнце. Смех ее прозвучал дико и резко в совершенно пустынном месте.

Никого. Она уже поняла: здесь никого нет. Нет ни деревни, ни села, про которые шептала та старуха, шепелявя и коверкая слова. Она ошиблась, и все зря. Ее никто не спасет.

Она опустила на колени, глядя прямо на красный диск, не замечая, что по избитому лицу текут слезы. Боль резко пронзила ее, она схватилась за живот и закричала. Но потом вспомнила, что кричать нельзя, и зажала рот рукой. Они идут за ней, и, наверное, они уже рядом. Лучше она сдохнет здесь, совершенно одна, чем с ними. И тем более – с *ним*. Вспомнив про *него*, она вскочила, потому что страх придал ей сил, и потащилась вдоль леса, хромая и постанывая от каждого шага.

Она уже поняла, что не спасется, потому что та старуха ошиблась, и здесь нет ни села, ни даже маленькой деревни, и никто не придет на помощь и не защитит ее от этих людей. Она попыталась молиться, но помешала боль, опять растекающаяся по телу, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. Она упала на теплую траву, попыталась съежиться в клубочек, незаметный клубочек, и слиться с землей, надеясь, что боль станет меньше. Но легче не становилось. Тогда она заставила себя встать на колени и посмотреть на солнце. Мелькнула мысль, что сейчас она умрет, но почему-то это было не так важно, как то, что она не может вспомнить, где же садится солнце.

И тут послышались голоса. Она замерла, прислушиваясь, по-прежнему стоя на коленях, надеясь, что показалось... Но ей не показалось, голоса приближались. «Господи, нет! – взмолилась она отчаянно. – Только дай мне умереть сейчас, не попасть к ним! Господи, пожалуйста!»

Словно услышав ее мольбу, боль начала разрывать ее изнутри так, что она закричала, не помня себя, и повалилась наземь. На какое-то время сознание исчезло, перед глазами встала темнота. А когда темнота рассеялась, она увидела две фигуры, склонившиеся над ней, и слышала незнакомые голоса. И прежде чем окончательно провалиться в боль, из которой не было возврата, последним краешком ускользающего сознания она успела вспомнить, что солнце садится на западе.

Глава 1

Декабрь

Мезальянс – красивое слово. Когда-то около дома, где жили Наташа с Олегом, стояли несколько киосков, в просторечье называемых с незапамятных времен «комками». Каждый из этих «комков» носил свое название – как правило, отражающее степень освоения хозяином русского языка. Зависимость, как заметила Наташа, была обратно пропорциональной: чем звучнее и пафоснее название, тем больше вероятность того, что человек, обзывавший свой несчастный киоск, не понимал смысла слова. В результате простенькая «Вера» с небольшим ассортиментом сигарет соседствовала с «Императором», а рядом притулились «Парнас» и «Багратион». Но больше всего Наташе нравился крайний, слегка скособоченный киоск с гордым названием «Мезальянс». Каждый раз, проходя мимо него, она вспоминала слова матери, сказанные перед ее свадьбой с Олегом. «Боже мой, Наташа, – говорила мать, строча ножом по очищенной вареной картофелине, – ты понимаешь, что это мезальянс? Ты – учительница, то есть интеллигенция, а твой Олег кто такой?» – «Вшивая из нее интеллигенция», – ворчал в ответ отец, симпатизировавший Олегу.

Поначалу, вспоминая тот диалог, Наташа улыбалась. И в самом деле смешно – какие из них интеллигенты, если мать с отцом сами еле-еле образование получили, всю жизнь прожили под Рязанью и только Наташу смогли выучить хоть чему-то! Однако отчасти слова матери были справедливы. И это понимали все, и сам Олег тоже не раз говорил, что жена ему досталась «не по ноздрям». Они даже над этим смеялись – до развода. Потом стало не до веселья.

А теперь – Наташа не смогла удержаться от нервного смеха – ее второй брак тоже обзывают мезальянсом. А что, красивое слово. И все ничего, если бы не одно «но». Теперь красивое слово произносила ее свекровь, Евгения Генриховна Гольц, обращаясь к своему сыну: «Эдик, ты понимаешь, что делаешь, приводя в наш дом эту женщину? Ты отдаешь себе отчет в том, что это чистой воды мезальянс? Я уже не говорю про ее ребенка...»

Может быть, госпожа Гольц произносила другие слова, но смысл приблизительно такой. Сегодня Наташа осталась дома одна – Ольга Степановна не в счет – и предпринимала очередную попытку освоиться. Что в понимании Наташи означало прогуливаться по дому, стараясь убедить себя, что она чувствует себя «адекватно обстановке». Так говорил Эдик: «Милая, ты должна чувствовать себя совершенно адекватно обстановке». Адекватно, как же!

Наташа остановилась около лестницы, ведущей на первый этаж, и посмотрела вниз. «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо – голову сложишь...» С левой стороны холла широкая тяжелая дубовая дверь вела в гостиную, с правой коридор заманивал в кухню и столовую, царство Ольги Степановны. Даже до второго этажа доходили аппетитные ароматы от ее стряпни. Впрочем, слово «стряпня» звучало неуместно применительно к тем кулинарным шедеврам, которыми ежедневно одаривала их «наша метрдотель», как называли Ольгу Степановну члены семьи Гольц.

Напротив лестницы висело большое зеркало в обрамлении серебряной гирлянды, и Наташа бросила быстрый взгляд на свое отражение. Маленькая, тощенькая, да еще с копной коротких темных волос. Костюм, к неудовольствию Наташи, сидел на ней нехорошо, и она вспомнила Аллу Дмитриевну, супругу младшего брата госпожи Гольц, Игоря Сергеевича. Как объяснял Эдик, супруга дяди – творческая личность, работает в каких-то галереях оформителем. Одевалась Алла Дмитриевна всегда довольно экстравагантно – на ярко-рыжих волосах огромная шляпа, обмотанная какими-то шарфиками, длинное пальто, чуть не до пола, сапоги на высоченных каблуках... Выглядеть бы Алле Дмитриевне форменным

чуелом, если бы не тонкое, породистое, немного хищное лицо. Красивое, приходилось признать Наташе, очень красивое. И глаза необычные – зеленоватые, светлые, прозрачные. Правда, странным образом их цвет совершенно не гармонировал с лицом, и зеленые глаза русалки казались на нем неживыми.

Подумав, Наташа решила посидеть в гостиной, полюбоваться на елку. Стараясь держать спину так же прямо, как ее свекровь, она спустилась по лестнице, ведя рукой по дубовым перилам и ощущая ласковую шероховатость дерева. Тяжелая дверь в гостиную открылась легко, обманчиво гостеприимно приглашая Наташу почувствовать себя хозяйкой хотя бы этой комнаты.

Осторожно ступая по бежевому ворсистому ковру, она дошла до кресла и постаралась не плюхнуться, а опуститься в него. Ей удалось, и Наташа застыла с выпрямленной спиной, уставившись в окно, прозрачное настолько, что казалось, стекла в нем нет вовсе.

Сидя в уютном, словно обнимающем ее кресле, Наташа размышляла о том, что к богатству, как и к бедности, нужно привыкать. Эту нехитрую истину она вполне освоила за то время, что жила в особняке Евгении Гольц. Поначалу, после знакомства с Эдиком, ей казалось, что сбываются детские мечты, несмотря на то что свой четвертый десяток она уже разменяла. Появилась возможность покупать красивые, уютные вещи себе и Тимоше, заходить в любое кафе, не думая о ценах напротив названий блюд... С Олегом она не могла себе даже представить такого. То есть она понимала, что где-то живут люди, которые часто ездят за границу, не знают, сколько стоит проезд в метро, но к ней самой это не относилось. Они никогда не могли позволить себе жить только на зарплату Олега, а порой Наташа зарабатывала больше, чем он.

С Эдиком, по понятным причинам, все было совершенно по-другому, и Наташа уже представляла себе, слегка стыдясь своих мыслей, как она будет по утрам выходить из ИХ собственного дома... Не из хрущевки-распашонки, не на вонючую лестницу, а на аккуратную дорожку, выложенную кирпичом, по обеим сторонам которой растут деревья. И не будет протискиваться в маршрутку, обоняя все мыслимые и немыслимые запахи мужских и женских тел, а сможет заказывать такси, или ее будет подвозить Эдик... А сколько всего можно придумать для ребенка!

Видимо, высшие силы, подслушавшие Наташины мечты, решили поставить небольшой эксперимент и для полноты картины дали ей все и сразу, причем без всяких усилий с ее стороны. Эдика Наташа любила, и ей странно было представить себе, что она так долго жила без него – невысокого, светловолосого, невыразительного внешне человека, говорившего всегда мягко и негромко. Тимоша тоже привязался к нему, тем более что Олег последний раз виделся с мальчиком год назад и больше не изъявлял ни малейшего желания встречаться, а дядя Эдик дарил столько всего интересного! Ей не пришлось зарабатывать каторжным трудом или вылавливать вожделенного принца в мутной воде брачных контор и агентств по знакомству с иностранцами. Все было поднесено сразу и на блюдечке: дом, деньги, такси, дорожка, выложенная кирпичом. Заказывали?

И вот тут-то оказалось, что Наташа совершенно к такому не готова.

Первый раз Эдик привез ее в свой дом в конце ноября – познакомиться с мамой. К тому времени они уже встречались три месяца, но Эдик рассказывал о своей семье скупно и неохотно. Наташа знала только, что мама Эдика, Евгения Генриховна Гольц, очень состоятельная женщина, владелица сети салонов-парикмахерских под названием «Элина», и что вся семья, в которой она является полновластной главой, живет в собственном доме. «У нас коттедж, – сказал тогда Эдик. – Я думаю, он тебе понравится».

Это был не коттедж. Когда машина остановилась, пытающийся быть галантным Эдик неуклюже обежал ее и подал Наташе руку. И правильно, потому что сама она в первые секунды растерялась. Слушая рассказы Эдика о доме, она представляла себе нечто двух-

этажное с красной черепичной крышей из голливудских фильмов. То самое, про которое говорят: в доме две спальни, или три спальни, или, если очень круто, то пять. Но за черной оградой, на которую мягко опускался большими хлопьями снег, светились золотом окна настоящего особняка. Подобные Наташа видела только в музеях-усадьбах. Здание не было большим, пожалуй, ненамного больше тех самых пресловутых голливудских пятиспаленных коттеджей, но во всем его облике, во всей архитектуре, в высоких стрельчатых окнах, в массивных дверях сквозило такое достоинство, словно дом стоял с выпрямленной спиной и свысока озираал соседей. Которых, впрочем, поблизости не было. Широкая ограда огибала особняк и исчезала где-то далеко в темноте.

– Наташа, ты что застыла? – услышала она удивленный голос Эдика. – Пойдем, нас давно ждут.

Наташа взяла себя в руки, стряхнула с плеч снежинки и пошла к дому по расчищенной дорожке, стараясь ступать как можно уверенней.

Когда до дома оставалось несколько шагов, двери распахнулись и на пороге появилась полная седая женщина с аккуратными завитками волос.

– Здравствуйте. Проходите, проходите, – приветливо заулыбалась она. – Наташенька, вы не замерзли?

Наташа поднялась по ступенькам и оказалась напротив хозяйки. У нее сразу отлегло от сердца. Женщина смотрела на нее очень внимательно, но дружелюбно. Ничего чрезмерного, ничего вызывающе дорогого не было в ее костюме, и Наташа с благодарностью подумала, что будущая свекровь оделась так специально, чтобы не подчеркивать разницу в материальном положении между ней самой и Наташей.

– Здравствуйте! Нет, не успела замерзнуть, – ответила Наташа радостно. – У вас такой прекрасный дом, Евгения Генриховна! Скажите, он старый?

– Он не старый, – раздался низкий голос откуда-то из глубины дома, – он в самом расцвете лет.

Наташа перевела взгляд. По коридору, нарочито неторопливо, шла невысокая полная черноволосая дама. Тонкие губы, мясистый нос. Темно-серое платье, струящееся почти до пола. На шее мрачно-поблескивало ожерелье из каких-то кроваво-красных камней. Дама дошла до двери, задержалась на секунду, оглядев Наташу, и неторопливо произнесла:

– Ольга Степановна, ты уже познакомилась с нашей гостьей?

– Да, Евгения Генриховна, – кивнула приветливая женщина. – Мне кажется, они с Эдиком замерзли.

– Тогда можешь подавать, сразу за стол сядем. Ну что ж, значит, вы – подруга моего сына, – взгляд ее темных, почти черных глаз остановился на Наташе. – А я его мама, Евгения Генриховна. Приятно познакомиться...

А спустя неделю Эдик перевез Наташу и Тимошу в особняк окончательно. Им предстояло стать частью семьи, как высокопарно выразился Игорь Сергеевич. Семьи Евгении Генриховны Гольц.

Первый шок, вызванный самим видом особняка, в котором Наташе предстояло жить, быстро прошел, зато начались неприятные открытия.

Еще до того, как разглядела обстановку дома, она обратила внимание на множество цветов, растущих на подоконниках и в огромных горшках на полу, стоящих в вазах и небрежно брошенных в большие стеклянные чаши, которые очень нравились Алле Дмитриевне. Фикусы в кадках блестели отполированными листьями, светло-зеленые деревца, похожие на можжевельник, стояли вдоль всего коридора на втором этаже, а уж в гостиной вообще росло что-то необычное, чему Наташа даже не знала названия. Зато знала цену. Как-то раз она видела подобные растения в цветочном салоне. И тогда обратила внимание, что один

небольшой куст стоит ровно ее зарплату за месяц. Это ее рассмешило – подумать только, ровно зарплату.

Но в доме Евгении Генриховны ей было не смешно – против своей воли она подсчитывала, сколько приблизительно все зеленое удовольствие может стоить, и ей становилось плохо от представленной суммы. Признаться в этом Наташа не могла даже Эдику, потому что он бы ее не понял. А ведь были еще букеты, которые привозили в особняк раз в неделю. А еще – цветочные композиции, которые стояли по праздникам в каждой комнате. Евгения Генриховна любила цветы. Наташа начала тихо их ненавидеть.

Потом – шторы. На третий день ее проживания в особняке Алла Дмитриевна застала Наташу, когда та ощупывала шторы в гостиной, и недоуменно поинтересовалась, что случилось. Наташа залилась краской и что-то промямлила в ответ, потому что не могла признаться, что никогда раньше не видела такой ткани – тяжелой, плотной, бархатистой на ощупь, с нежными золотистыми разводами на зеленоватом фоне. Больше всего Наташе хотелось отрезать кусок и сшить из него юбку, но по понятным причинам сделать этого она не могла.

Садиться на безумно дорогие кресла, словно кричащие о себе «Мы дорогие!», ей было страшно в первую неделю, потом она потихонечку привыкла, но пускать Тимофея ползать по бежевому ковру, теплой ласковой волной ложащемуся под ноги, она не могла, пока ее не отчитал Эдик. А еще – ванн, туалеты, какие-то неизвестные столовые приборы, милые безделушки по всему особняку... Слишком много денег было вложено в этот дом, и результат полностью себя оправдал. Но Наташа продолжала воспринимать себя совершенно инородным телом, случайно попавшим на праздник жизни, на который она не имела никакого права.

Наташе вспомнилось, как три года назад она повезла годовалого Тимошу на Новый год к родителям (потом, кстати, твердо решила больше не возить). К Новому году отец с матерью относились не то чтобы равнодушно, но как-то... спокойно, и все Наташины восторги по поводу приближающегося праздника охлаждали напоминанием о том, как трудно им всем живется и что наступающий год ничего в ситуации не изменит. Последнее время даже искусственную елку они не ставили, не говоря уж о настоящей.

Но сейчас в доме Евгении Генриховны Гольц стояла елка. И еще какая! Привезенная откуда-то из Канады, настоящая буржуйская елка, какие бывают только в мультфильмах. Во всяком случае Наташа раньше таких не видела. Пушистая, как персидская кошка, и резко пахнущая так, как обычно пахнут только елки с мороза, а ведь Евгения Генриховна распорядилась поставить ее еще три дня назад. И Мальчик Жора пыхтел, сначала устанавливая ее, а потом выбирая украшения и развешивая их по разлапистым ветвям. Тимошка вертелся у него под ногами, всячески мешая, а потом еще и разорвал журнал Игоря Сергеевича, сидевшего в кресле и наблюдавшего за Жориными страданиями. Наташа подозревала, что Игорь Сергеевич с трудом сдерживался, чтобы не рывкнуть на Тимошку. Чтобы отвлечь сына и самой заняться делом, она стала помогать Мальчику Жоре, даже сходила в магазин и купила небьющиеся шарики. Втроем они украсили ель сверху донизу, а на верхушку водрузили огромную причудливую сосульку, синюю с перламутровым отливом, которую Наташа с Тимом рассмотрели в магазине.

А вечером вернулась Евгения Генриховна, окинула взглядом пластиковые красные шары, распорядилась заменить их на стеклянные и больше «подобным непотребством не заниматься». Наташа попыталась возразить, что Тима может разбить дорогую игрушку и пораниться, и незамедлительно получила отпор.

– Вы, Наташа, приучайте ребенка с детства вести себя так, чтобы он знал, что можно делать и чего нельзя. В конце концов, ему уже почти четыре года, и он прекрасно поймет, если вы, конечно, объясните, что шары брать не нужно. – Евгения Генриховна говорила,

слегка отвернувшись от Наташи, чуть рассеянно. – И, пожалуйста, предоставьте украшение елки Ольге Степановне.

Когда вечером Наташа спустилась встретить Эдика, в зале стояла совершенно другая елка. Большие синие шары покачивались под тонкими ручейками серебристого дождя, отсвечивая таким глубоким, насыщенным цветом, что Наташа остановилась, как зачарованная. Елка получилась под стать самой хозяйке дома – красивая, стильная, дорогая. То, что придумали Наташа с Мальчиком Жорой, было куда проще и банальнее.

Перед сном она не удержалась и пожаловалась мужу, но понимания не нашла.

– Милая, – мягко сказал Эдик, – для мамы видеть на елке пластиковые шарики – просто оскорбление всех ее чувств. Я не хочу тебя обидеть, но для нее они дешевка. Понимаешь? А синие шары остались еще от бабушки. Знаешь, когда я был маленький, мама мне рассказывала про них. Их вешали на елку каждый год в течение многих лет, что бы ни происходило. Даже когда пришло извещение, что дедушка умер в тюрьме – в конце декабря, под самый Новый год, – мама с бабушкой достали синие шары и развесили, как обычно. Их никто из всей семьи не понял, ни дядя Игорь, ни бабушка Клава. А я понимаю. Мама объясняла, что это как-то помогло им пережить все, что происходило, и не плакать. Кстати, дядя Игорь всю жизнь твердит, что эти шарики перебьют, они ведь стеклянные. Так вот, из тридцати штук разбилось только два, да и то потому, что Элинка маленькая, сестренка, полезла за коробкой без разрешения и уронила ее.

– Эдик, но ведь сейчас ребенок в доме, он же ничего не понимает.

– Он вполне способен понять, что игрушки с елки снимать нельзя, – спокойно, но твердо ответил муж. – В крайнем случае, мы просто перевесим их повыше.

Наташа вспомнила слова Евгении Генриховны и только вздохнула.

Как ни странно, но Тимоша и впрямь прекрасно усвоил, что нельзя хватать шарики с елки. Да ему хватало и других развлечений: весь дом был обвешан игрушками, по перилам лестницы, ведущей на второй этаж, висела зеленая мохнатая змеей гирлянда, а под вечер начиналась целая иллюминация. В холле стоял Дед Мороз величиной с самого Тимошу, с большим красным мешком за спиной, и время от времени начинал помахивать рукой под музыку «Джингл Беллз», раздающуюся из его бочкообразного живота. В общем, Тимоше было не до шариков, и Наташа на время успокоилась. Хотя в голове все равно крутилась мысль: насколько все было бы проще, если бы они жили отдельно.

Для Наташи стало неприятным сюрпризом, что Эдик собирается поселить ее в доме у своей мамы. При том, сколько он зарабатывал в своей банке, они могли бы если уж не купить, то, по крайней мере, снять хорошую квартиру. Но Эдик провел большую воспитательную работу, и в результате Наташе стало ясно: если она хочет выйти за него замуж, ей придется смириться с мыслью, что своего жилья у них не будет. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Милая моя, – уговаривал ее Эдик, – мама пережила так много трагедий в своей жизни! Неужели я оставлю ее одну?

– Эдик, тебе тридцать шесть лет, – осторожно возражала Наташа. – Все сыновья рано или поздно уходят из дома. Я думаю, что твоя мама к этому вполне готова.

– В том-то и дело, что нет. Не забывай, мы всю жизнь жили в нашем коттедже одной большой семьей, и мама абсолютно уверена, что, когда я женюсь, ничего не изменится. Только новая женщина появится в нашем доме, вот и все. Более того, для этой женщины, то есть для тебя, много лет назад была отведена большая комната на втором этаже. Ее ничем не занимали, она стоит свободная. Поэтому я не могу даже представить, как бы я сообщил маме о том, что стану жить отдельно. А потом, видишь ли, какое дело... – Эдик на секунду задумался. – Откровенно говоря, я не вижу никаких причин переезжать из дома, где я прожил всю свою жизнь. Он достаточно большой, места хватит на всех. А для меня с ним связаны

не только воспоминания, но и все, в сущности, что у меня есть. Ведь у меня есть только дом и работа. А теперь еще и ты.

Наташа почувствовала жалость. Действительно, у Эдика ведь ничего нет, он прав. Деньги не в счет. К тому же он такой консерватор... Пожалуй, жестоко было бы с ее стороны отбирать у мужа то, что дает ему спокойствие и уверенность. А со свекровью она постарается найти общий язык.

И вот Наташа переехала в особняк Гольцев, познакомилась со всеми его обитателями. Правда, был еще призрак. Так она называла его про себя. Конечно, не настоящий призрак. Хотя иногда ей казалось, что этот человек для обитателей дома, во всяком случае для одного, куда живее, чем сама Наташа.

Элина. Младшая дочь Евгении Генриховны. Любимое, балованное дитя, уехавшее из северной столицы пять лет назад учиться в Москву. Как будто нельзя было в Санкт-Петербурге найти подходящее учебное заведение! Наташа не сомневалась, что Евгения Генриховна вполне могла обеспечить любимой дочери поступление в любое из них. Или почти в любое. Тем более что Эдик не раз говорил: Элина была умненькой, хотя и очень избалованной. Но она уехала, поступила куда-то сама и спустя два года пропала. Просто исчезла, как будто ее и не было никогда. Вещи в квартире, которую она снимала с подругой, остались на месте, пропал только паспорт. Подруга не могла рассказать ничего толкового, кроме того, что Элина, несмотря на свою общительность, к ней относилась немного свысока и в личные дела не посвящала. У нее был какой-то мальчик, но даже имени его девушка не знала. А может, и не мальчик, а взрослый человек. Ну не знает она, не знает!

Поняв, что толку от подружки немного, Евгения Генриховна поставила на уши армию частных сыщиков, но никто из них не смог ничего выяснить. Все говорили одно и то же: Элина общалась со всеми, не дружила близко ни с кем. Пара-тройка парней из университета, с которыми у девушки были романы, картину прояснить не смогли: да, встречались раньше, но последнее время она даже близко к ним не подходила – так, здоровались при встрече. Элина исчезла в дымном московском воздухе, словно растворилась, и остались только фотографии по всем стенам особняка – смеющаяся светловолосая девушка, смеющаяся белокурая девочка, хохочущая беленькая малышка. Элина была везде. Евгения Генриховна не хотела верить в ее смерть, хотя Эдик, как догадалась Наташа, давно уже в мыслях похоронил сестру.

Но разговаривать на эту тему в доме было запрещено. Евгения Генриховна говорила о дочери только в настоящем времени. Более того, раз в полгода она нанимала новое детективное агентство, чтобы очередные сыщики исследовали все обстоятельства исчезновения ее дочери и подтвердили то, что подтверждали до них все остальные: Элина Гольц пропала бесследно. Не было никаких зацепок, позволяющих найти хотя бы возможную причину ее убийства. Но Евгения Генриховна с маниакальным упорством продолжала нанимать новых и новых людей, которые снова и снова проходили тот путь, который прошли до них другие. И оставалась ни с чем.

Госпожа Гольц стояла в своем кабинете у подоконника, задумчиво постукивая по нему полными пальцами. Жора исподтишка наблюдал за ней, сидя за письменным столом. Куча поздравительных новогодних открыток, которые он аккуратно заполнял от руки, была небрежно свалена в сторону, но, заметив мельком брошенный взгляд хозяйки, секретарь торопливо сложил их в стопочку. Мадам ненавидела беспорядок в любых его проявлениях. Подумав об этом, Жора усмехнулся про себя. Ну что ж, уважаемая Евгения Генриховна, теперь вы имеете не просто беспорядок – вы имеете капитальный бардак в своем собственном семействе. Эта мысль вызвала у него нечто похожее на чувство удовлетворения. Нет, удовольствия! Черт возьми, глубокого удовольствия!

– В чем дело, Мальчик? – Холодный голос мгновенно привел секретаря в себя. – Тебя что-то обрадовало?

«Кретин безмозглый, – обругал себя Жора мысленно. – Знаешь ведь, что ведьма сечет любую гримасу на лице, даже если только волосинка в ноздре дернулась. А уж усмешку произвольную не могла не заметить».

– Прошу прощения, Евгения Генриховна, – отозвался он, – фамилия насмешила. Адресу поздравление господину Милостивому, вот и не удержался. Представил, как хорошо было бы лет эдак сто назад выводить: «Милостивый господин Милостивый! Поздравляем вас нижайше со светлым праздником Рождества!»

Секунду хозяйка пристально смотрела на Жору, но невинная улыбка на его губах успокоила ее.

– «Поздравляем вас нижайше», – рассеянно повторила она, отвернувшись к окну. – Глупость какая, никто так не писал и не говорил. А Никита Милостивый, к слову сказать, фамилию свою взял у супруги, поскольку его собственная, Клочков, нравилась ему значительно меньше. Я не исключаю, Мальчик, что он вообще жену выбирал исключительно по фамилии.

Секретарь не улыбнулся, потому что от него не ждали улыбки, но информацию о господине Клочкове запомнил. У него вообще была прекрасная память.

– От Барсукова известий нет? – спросила Евгения Генриховна, не оборачиваясь.

– Нет. Вы же сами знаете.

– Знаю, знаю. – Она взяла со стола фотографию в простой деревянной рамке. – Иди. Ты свободен на сегодня. Кстати, купи что-нибудь этому ребенку к Новому году.

– Надеюсь, Эдуард не собирается его усыновлять? – негромко и как бы про себя проговорил секретарь.

Старуха обернулась молниеносно, и черные глаза уставились на Жору с таким выражением, что он чуть не пожалел о сказанном. Хотя в любом случае так или иначе вопрос следовало «провентилировать».

– Через мой труп, Мальчик, – негромко произнесла Евгения Генриховна. – Я вообще полагаю, что после выяснения биографии госпожи Зинчук мой сын горько пожалеет о своей скоропостижной свадьбе и о том, что не озаботился поинтересоваться, чем она занималась до того, как встретила с ним. Впрочем, это не твоё дело. Иди.

Когда секретарь вышел, она посмотрела на фотографию, которую держала в руке, и опустила на стул. С фотографии улыбалась девушка лет двадцати в коротеньком голубом платье, белокурая, голубоглазая, с хорошенькой мордашкой избалованной любимицы.

Перед мысленным взглядом госпожи Гольц встало лицо невестки в обрамлении коротких темных волос, а рядом детская мордашка. Мальчик совсем беленький, а вот мама у него – чернавка. Белое и черное. Станный знак, решила Евгения Генриховна. Нехороший.

* * *

Девушка подумала, что со стороны они смотрятся очень необычно – пятнадцать фигур в одинаковых темных плащах, у некоторых на голове капюшоны. Если бы не рюкзаки за спинами, они выглядели бы совсем сказочно. Жалко, что переоделись только после электрички, но Данила строго запретил доставать плащи до того, как они выйдут из города. Правильно, наверное, а то еще глазеть будут, мало ли что... Могут и пристать. Хотя приставаний Данила как раз и не боялся – тех троих *безымянных*, которые постоянно шли замыкающими, было вполне достаточно, чтобы отбить охоту у забияк когда-нибудь еще лезть к мирным паломникам. Они-то как раз постоянно шли в капюшонах, и, сказать откровенно, этому девушка

только радовалась – лица у всех троих были неприятные. Мрачные и какие-то... непросветленные, в общем.

Подумав об этом, она тут же хлопнула себя по губам и прочла быструю молитву: «Прости, Господи, за мысли грешные, злобные, завистливые». Данила учил, что плохие мысли о людях всегда с завистью связаны. Сначала она не понимала: как же так, нельзя ведь завидовать, например, убийце. А об убийцах всегда думаешь плохо. Но Данила, как всегда, все объяснил в двух словах, потому что он был настоящий просветленный, она знала. «Когда ты видишь, например, по телевизору убийцу, разве тебе приходят плохие мысли в голову?» – спросил он. Тут-то она и задумалась. Приходилось признать, что нет, не приходят. Любопытство в голове есть, интерес какой-то нехороший, а вот зла нет. Зато стоило вспомнить соседку Любаню, стервозную содержаночку, о которой сплетничал весь дом, как тут же появлялась она, эта самая злость. И правильно Данила говорил, что если покопаться в себе, то всегда рядом со злобой отыщешь и зависть – завидовала она Любаше, хотя самой себе и не признавалась в том раньше. Завидовала и деньгам легким, и мужикам ее, и самой стервозности. Девушка подняла глаза на Учителя, идущего перед ней, и улыбнулась. Ничего, ничего, вот дойдут они до последней святыни, и очистится она от скверны. И станет, как Данила, – с Именем.

Заночевали в лесу, раскинув палатки. Вглубь заходить не стали, но и не на самой опушке устроились – неподалеку мигала огоньками деревушка. Двое Безымянных сходили за провизией, хотя свой запас у них был, и вечером поужинали картошкой и тушенкой. Деревья вокруг поскрипывали, качались, шумели, и небо было такое звездное, что девушка легла на траву неподалеку от костра и долго смотрела вверх, глубоко дыша лесным воздухом, смешанным с легким запахом дыма.

– Замерзнешь, – заметил один из Безымянных, проходя мимо. – Иди в палатку.

Девушка хотела ответить, что земля теплая, но вовремя вспомнила, что должна слушаться других Безымянных, потому что они уже сделали шаг на пути к просветлению, а она еще нет. Младше нее была только полная женщина с одутловатым лицом. То есть не в самом деле младше, конечно, а просто она совсем недавно примкнула к Учителю. «Приказов у нас нет и быть не может, – учил Данила, – но следует слушаться тех, кто прошел дальше тебя по светлому пути. Тогда и твой собственный путь станет легче, и ты придешь к своему Имени».

Она встала и прошла в палатку. Данила был один, и девушка обрадовалась, потому что остальные уже разошлись. Значит, они снова будут вместе всю ночь. Она сняла всю одежду, залезла под одеяло и прижалась к его теплой спине. Он сразу обернулся, притянул ее к себе, и она почувствовала, как его шершавые руки нежно оглаживают ее по шее, груди, бедрам...

Когда он уснул, отвернувшись, она еще некоторое время лежала с закрытыми глазами, вспоминая сегодняшний день, и радовалась. Еще один маленький шаг к просветлению, хотя идти им далеко. Ах, да неважно, она могла бы бродить так много лет, лишь бы быть рядом с ним. Уже засыпая, девушка сделала запрещенную вещь. Просто не смогла удержаться. Беззвучно, прикрывая рот ладошкой и ругая саму себя, она попробовала на вкус свое имя. Оно ей нравилось.

Элина. Элина. Элина.

Глава 2

Сегодня Евгения Генриховна осталась дома, хотя был вторник.

Наташа уже знала, что сие означает – утром было Знамение! Она усмехнулась. Конечно, будь рядом супруг, он бы в сотый раз объяснил ей, что не нужно иронизировать, что мама живет по своему, особому распорядку, но Эдик, разумеется, находился в банке и объяснить ничего не мог. К тому же приходилось признать, что система свекрови себя оправдывала.

Наташа отвела Тима в садик и вернулась, хотя и не хотелось. Евгения Генриховна дома, значит, день потерян: придется сидеть у себя в комнате, а может быть, даже спуститься в гостиную и отобедать со всей семьей.

Хорошее слово – отобедать. Ольга Степановна выражалась исключительно так – отобедать, отужинать... А Игорь Сергеевич каждый раз отзывался: «Ольга Степановна, ну что за мещанские словечки!» Наташа жила в доме всего два месяца, но уже привыкла к ежедневному ритуалу: «Наташенька, пойдемте отужинать!» – «Ольга Степановна, ну что за мещанские словечки!» И лукавая улыбочка следом, как будто господин Бобров в очередной раз сказал что-то смешное.

Хватит злобствовать, приказала себе Наташа. В конце концов, теперь это ее семья. Как бы они к ней ни относились, нужно быть терпимой и вести себя так, как принято в странном семействе. Она вздохнула и решила спуститься в гостиную, где по утрам собирались те члены семьи, которые находились дома.

Наташа прикрыла дверь и услышала слева негромкий вежливый голос.

– Доброе утро, Наталья Ивановна.

Ну конечно, Мальчик Жора, выходящий из кабинета Евгении Генриховны. Дом был большой, но Наташа натыкалась на секретаря по десять раз на дню, начиная с раннего утра. Иногда ей казалось, что Мальчик Жора умеет создавать свои копии, чем успешно пользуется.

Наташа с интересом присматривалась к высокому черноволосому парню, уже несколько лет работавшему на Евгению Генриховну и выполнявшему при ней функции чего-то среднего между компаньонкой, болонкой и секретарем. С Наташей он был любезен, иногда даже слишком, и у нее несколько раз появлялось ощущение, что Мальчик Жора в глубине души смеется над ней, но понять, так это или нет, не было никакой возможности. Секретарю на втором этаже особняка отводилась комната, хоть и небольшая, и Жора частенько оставался ночевать, хотя собственная его квартира располагалась не так уж и далеко. Эдик называл секретаря мальчиком на побегушках и относился к нему презрительно и свысока. Наташа подозревала, что секретарскими функциями при хозяйке Жора не ограничивается и платят ему еще и за услуги иного рода, но за то время, что она жила в доме, ее подозрения ни разу не подтвердились.

И что за дурацкая кличка, в конце концов? «Мальчик Жора»! Ведь есть же у человека нормальное имя – Георгий. Но весь дом, начиная с Евгении Генриховны и заканчивая уборщицей Илоной, иначе как Жорой секретаря не называл. Да и сама Наташа очень быстро привыкла обращаться к нему так же. Уже и Тимоша его «Зоркой» зовет, поскольку букву «ж» выговаривать так до сих пор и не научился.

– Доброе утро... Георгий. – Наташа запнулась и уловила промелькнувшую усмешку на лице секретаря, услужливо сообщившего:

– Евгения Генриховна и Игорь Сергеевич уже в гостиной.

– Спасибо.

Наташа пошла вниз по лестнице, поняв, что встреча со свекровью неизбежна.

Брат и сестра сидели в роскошных темно-бордовых креслах друг напротив друга, а на столе стояли две тонкие белые чашки, от которых поднимался дымок. Господин Бобров, полный, вальяжный, пощипывал себя за бритую щеку. Щеки у него были толстые, отвисшие, как у бульдога, и Наташа не могла удержаться от мысли, что он сам их так и оттянул. Игорь Сергеевич нигде не работал и почти все дни проводил дома за чтением классиков. «Дядя ведет барский образ жизни», – снисходительно говорил Эдик. Угу, барин из господина Боброва тот еще.

После знакомства с семейством Гольц Наташа поинтересовалась у мужа, почему у Евгении Генриховны и Игоря Сергеевича разные отчества. Эдик тогда объяснил, что его бабушка, овдовев, вышла замуж второй раз и от этого брака и родился дядя Игорь. Когда ему было десять лет, бабушка развелась со вторым мужем и до самой своей смерти жила одна не в самом особняке, а в маленьком домике рядом.

«Значит, Игорь Сергеевич у нас, получается, брат только наполовину», – подумала Наташа и вежливо поздоровалась, стараясь не смотреть, как господин Бобров в очередной раз оттягивает кожу щеки так, что приоткрываются желтоватые зубы, и с тихим чпоканьем отпускает ее.

– А, Наташа, доброе утро, – отозвалась Евгения Генриховна. – Хотите кофе? Ольга Степановна сварила сегодня новый кофе, забыла, как он называется...

– Ирландский, – подсказал Игорь Сергеевич. – Действительно вкусно. Я сейчас скажу, чтобы Ольга Степановна сделала для вас.

Наташа благодарно кивнула, опустилась в кресло и улыбнулась.

– Мне кажется, у Ольги Степановны все получается вкусно, что бы она ни готовила.

– Ну, все не все, но многое. – Евгения Генриховна подняла из кресла свое грузное тело и подошла к окну. – А знаете, Наташенька, я сегодня видела снегиря. Сидел на подоконнике в моей комнате и так непосредственно заглядывал в окно... Совершенно так же, как делают некоторые люди – не от невоспитанности, знаете ли, а именно из-за непосредственности. Впрочем, не знаю, что хуже...

– Поэтому вы сегодня дома остались? – несмело спросила Наташа.

– Что? В каком смысле?

– Ну, то есть из-за снегиря? Это был... ваш сегодняшний знак?

Евгения Генриховна уставилась на нее, и Наташа почувствовала себя полной идиоткой.

– При чем здесь снегирь, милая моя? – вскинула брови свекровь. – Надеюсь, вы не считаете меня умалишенной?

Наташа забормотала что-то, оправдываясь, но госпожа Гольц не слушала.

– Я осталась дома, потому что услышала стихотворение по радио. Что-то про домового. Включила – а там такая строчка: «Дома бродит домовый». Разумеется, мне стало понятно, что это Знамение и истолковать его можно только одним способом. Там что-то еще было про... лешего, кажется. Собственно, уже не важно.

– «И настанет день чудесный: по тропинке голубой с неба спустится Небесный и возьмет меня с собой», – процитировала Наташа. – Стихотворение Андрея Усачева, про Небесного. Леший водится в лесах, а Небесный – в небесах. Вы, наверное, его услышали?

– Совершенно не помню. По-моему, да. А откуда вы его знаете?

– Ну, я же все-таки бывшая учительница, часто стихи детям читала, – улыбнулась Наташа.

– Ах да, конечно. Ну что ж, Наташенька, очень рада была узнать ваше мнение о знаках судьбы. Приятного завтрака.

Она кивнула Наташе и вышла из гостиной. Наташа оглядела золотисто-коричневые обои на стенах, про которые Эдик объяснял, что они не бумажные, а тканые, и вздохнула. Господи, она опять не смогла провести встречу на высоком уровне.

Жизнь Евгении Генриховны подчинялась определенным правилам, которые много лет назад она определила для себя сама. А точнее говоря, не правилам – Знакам Судьбы. Да, да, произносилось именно так – с большой буквы. Наташа много раз пыталась угадать тот или иной Знак, но еще ни разу не попала в точку. Знаком могло быть все, что угодно, – услышанная строчка, как сегодня, или звук капли за окном, или яркое пятно на одежде... В общем, все, на что обращала внимание свекровь. Выпавший из Колоды Судьбы Знак немедленно истолковывался, и все последующие действия были подчинены ему до тех пор, пока не объявлялся новый. В первый раз Наташа увидела действие Знака на третий день после переселения в особняк, когда все семейство Гольц ужинало в столовой и обсуждало возникшую проблему: один из сотрудников Евгении Генриховны был пойман на мелком воровстве.

– Уволила бы мерзавца незамедлительно, – низкий голос Евгении Генриховны отчетливо звучал в большой комнате с серебристыми стенами, – да вот беда: нечем его заменить.

– Незаменимых, Женечка, не бывает, – подал голос Игорь Сергеевич.

– Не бывает, конечно, но, видишь ли, Ковалев мне нужен именно сейчас.

– А что он присвоил? – поинтересовалась Алла Дмитриевна, картинно откидывая рыжую прядь с бледного лица.

– Боже мой, какую-то совершенную ерунду: то ли сотовый телефон, то ли еще что-то такое... Неважно. Важен сам факт. И я пока совершенно не представляю...

Евгения Генриховна неожиданно замолчала, уставившись взглядом в одну точку. Все послушно проследили за ее взглядом. В наступившей тишине Эдик спокойно сказал:

– Ну, вот видишь: все и разрешилось.

Наташа ничего не поняла. Евгения Генриховна, наклонив голову, изучала обычного питерского воробья, сидевшего за окном столовой и что-то озабоченно склевывавшего с подоконника. Потом она отвела взгляд, кивнула самой себе, и в столовой тотчас, словно по команде, зазвякали вилки и ножи, негромко забулькало вино, прерванный разговор возобновился, словно ничего и не произошло. Наташа не стала задавать вопросов, но вечером расспросила Эдика. Тогда-то и выяснилось про Знаки Судьбы.

– Но при чем тут воробей? – спросила слегка удивленная Наташа, выслушав объяснения мужа.

– А ты разве не поняла? – удивился Эдик, снимая джемпер. – Воробей – вора бей. Понимаешь? Мама говорила про вора, и тут такой Знак очевидный. Конечно, уволит она его, завтра же и уволит.

– Эдя, подожди. – Наташа присела на кровать и попыталась воззвать к здравому смыслу супруга. – Но ведь твоя мама обратила внимание на воробья, потому что ей подсознательно этого хотелось. Разве нет? Ведь она могла заметить десяток других вещей и истолковать их наоборот. Например, открыла бы Пушкина и увидела строчку «И милость к падшим призывал...». Или еще что-нибудь в таком роде.

Эдик накинул халат, в котором почему-то казался совсем тщедушным, и провел рукой по русым волосам.

– Ната, я понимаю, тебе это кажется странным. Но поверь мне: мама с детства развивает в себе способность к чтению Знаков, и весь свой бизнес она построила на них. Если ей с утра являлся Знак, что бессмысленную, казалось бы, сделку стоит заключить, то она ее заключала. И в конце концов оказывалась права, понимаешь? То же самое и в жизни. Не спрашивай меня, почему так, я сам не знаю. Но у мамы это действует.

– А... тебя она не пыталась...

– Нет, не пыталась, – покачал головой Эдик. – Ни меня, ни кого-то другого мама никогда в свою веру не обращала. – Он усмехнулся, как показалось Наташе, грустно. – Мама натура исключительная, и то, что годится для нее, с другими не пройдет. Поэтому я, моя дорогая, самый банальный банковский служащий без всяких ориентиров в жизни.

Наташа встала с голубого покрывала и медленно расстегнула две верхние пуговицы на блузке.

– А по-моему, – холодным голосом сказала она, – по-моему, ты – просто не выучивший урока восьмиклассник. Ответьте мне, Гольц, почему вы опять не в состоянии решить элементарной задачи?

В серых глазах Эдика что-то мелькнуло.

– Не слышу ответа? Значит, так, Гольц, – отчеканила Наташа, – вы нарушаете правила и будете наказаны. Снимайте свою форму!

Сглотнув, Эдик потянул халат вниз.

– С каких пор трусы не входят в форму? – прищурилась Наташа.

Эдик покорно начал стягивать трусы, но она остановила его.

– Так не пойдет. Я сама.

Прижавшись к Эдику, Наташа одним рывком стащила с него трусы и, пока он путался, пытаясь сбросить их с ног, расстегнула блузку. Эдик повернулся к ней, секунду смотрел на розовое кружевное белье, а затем подхватил жену на руки, и они оба упали на постель.

Ольга Степановна составила список необходимых продуктов еще вчера и теперь собиралась в супермаркет, стоя перед большим зеркалом в холле. Разумеется, Жора в состоянии и сам закупить многие продукты, но в главном на него положиться нельзя. Обязательно или фрукты купит недозрелые, или картошку выберет розовую, а из нее такой супчик, как любит Женечка, не получится. Ольга Степановна, единственная из живущих в доме, называла хозяйку уменьшительным именем.

Она подошла к зеркалу и провела расческой по седым завиткам.

– Жора, – позвала она, – ты где?

– Здесь, Ольга Степановна, – отозвался секретарь откуда-то со стороны столовой, – уже иду. Я машину выгоню из гаража, а вы потихонечку выходите, хорошо?

– Давай, давай, – отозвалась Ольга Степановна, задумчиво глядя в зеркало. Только что-то ее насторожило. Какая-то мелочь, но мелочь очень серьезная.

Она пристально рассмотрела свое отражение, но с ним все было в порядке. Волосы уложены, как всегда, аккуратно, пальто чистое. Пробежалась глазами по зеркалу, но никаких трещинок или тому подобной беды не наблюдалось. Она отвернулась к двери, несколько секунд постояла, глядя на деревянные панели, а потом повернулась.

Вот оно! Ольга Степановна в растерянности смотрела на то, что ей бросилось в глаза сначала неосознанно, а теперь выпирало во всем своем... бесстыдстве. Да, другого слова она просто не могла подобрать. Боже мой, ну что ж за бесстыдство такое!

– Илона, – громко позвала она. Никто не отозвался. Тогда Ольга Степановна набрала воздуха побольше и крикнула: – Илона!

– Господи, ну зачем же так кричать? – недовольно протянула девушка, появившись в коридоре из гостиной. – Что случилось такое? Пожар, что ли?

– Илона, подойди сюда, пожалуйста, – сдерживая волнение, попросила Ольга Степановна, стараясь не раздражаться при виде новой мини-юбки. – Ты вот это видишь?

– Что?

– Пожалуйста, не изображай из себя слепую. Ты ВОТ ЭТО видишь на зеркале?

Девушка придвинулась поближе, сосредоточенно изучая то, на что показывала женщина. Ольге Степановне ударила в нос волна аромата каких-то странных, тяжелых духов, и она поморщилась.

– Ну и что такого? – протянула Илона. – Немного пыли, вот и все.

– Немного пыли? – Ольга Сергеевна даже опешила от такого нахальства. – Что значит «немного пыли»? Да зеркало сверху все в пыли! Ты же убиралась сегодня в холле, как же ты могла такое оставить?!

– Вы так говорите, Ольга Степановна, будто катастрофа случилась. Я-то думала, вы за чем серьезным меня позвали... Подумаешь, тряпкой разок пройтись!

– Илона, ты понимаешь, кем ты работаешь в этом доме? – не выдержала Ольга Степановна. – И что это вообще за дом? К Евгении Генриховне приходят гости, и грязь непростительна, совершенно непростительна. В конце концов, ты просто халтурно убираешься! Неужели нельзя тщательно все протереть?

– Ой, да не драматизируйте вы! – пожала плечами Илона. – Каждый раз крик из-за ерунды поднимаете.

– Еще одна такая ерунда, и я доведу до сведения Евгении Генриховны мое мнение о твоей работе.

– Пожалуйста, ябедничайте. Что-то я не очень замечала, чтобы Евгения Генриховна сильно прислушивалась к вашему мнению.

Ольга Степановна даже покраснела от оскорбления. Она уже собиралась ответить, как входная дверь распахнулась и в дом ввалился Мальчик Жора.

– Ольга Степановна, я вас уже десять минут жду! – взмолился он. – О, Илонка, привет! Так мы поедем или нет?

– Поедем, Жора, поедем. Возьми, пожалуйста, большую корзину для фруктов, чтобы не помялись в пакетах.

Ольга Степановна быстро вышла из дома, трясая на ходу седыми кудряшками. Секретарь достал корзину, подмигнул Илоне и заторопился за темно-синим пальто, уже мелькавшим среди деревьев.

Отведя с утра Тимошу в садик, Наташа решила прогуляться и вышла наружу, накинув подаренный Эдиком теплый финский пуховичок. Когда-то она очень хотела шубу, но быстро убедилась, что в Санкт–Петербурге, или в Питере, как фамиллярно называли город в семье, в шубе зимой далеко не уйдешь – злой ветер легко проникал под нее, выдувая слабенькое тепло, промораживая до костей. «Вам, рязанским, – смеялся Эдик, – к нашему климату еще привыкать и привыкать». Вот уж правда.

Сейчас ветер стих, и можно было спокойно погулять между старых деревьев, за которыми никто не ухаживал. Английский стиль, решила Наташа, по всей видимости, на сад не распространялся – ни ухоженных дорожек, ни геометрической планировки, ни множества клумб. «Не сезон», – подумал Штирлиц и забросил лыжи в кусты», – вспомнила она известный анекдот. – Какие клумбы, если январь на дворе? Может быть, летом приглашают садовника».

Наташа обогнула особняк и наткнулась на старика в деревенском тулупе, копающегося в снегу. Его появление так совпало с ее мыслями о садовнике, что Наташа не удивилась бы, увидев в руках дядьки лейку. Но лейки не было. Старик что-то искал в снегу, не замечая ее. Наташа постояла на месте, думая, стоит ли ей подходить.

Сергей Кириллович, с которым ее даже не познакомили, когда они с Тимошей переехали в дом, обитал в глубине сада, и когда Наташа увидела его в первый раз, то чуть не испугалась. Был он невысокого роста, худой, с лицом, покрытым редкой, но длинной седой щетиной, которая клочьями торчала в разные стороны. Потом она спросила у мужа, кого встретила в саду, и он, поморщившись, объяснил: в малом доме живет Сергей Кириллович, которого Евгения Генриховна приютила много лет назад, человек своеобразный, но безвредный. Вот и все.

Сейчас своеобразный, но безвредный человек ковырялся в снегу.

– Здравствуйте, Сергей Кириллович, – громко сказала Наташа. – Вы что-то потеряли? Давайте я помогу!

Старик обернулся и, игнорируя приветствие, проворчал:

– Да так, обронил кое-что, а найти не могу. Ты попусту со мной языком-то не чеши. Да и помогать мне нечего, а то хозяйка твоя рассердится.

– Евгения Генриховна? Почему?

– Потому что по ее хотению я сам тут все должен делать. Ясно? – Он усмехнулся беззубым ртом. – И никто мне не помощник. Все, хватит балаболить, мне дела делать нужно.

Наташа поняла, что ей деликатно предлагают удалиться, попрощалась и пошла обратно. Станный старик. Очень странный. Нужно будет спросить вечером Эдика, почему ему нельзя помогать.

После обеда Ольга Степановна сидела одна в кухне, но тут появилась жена Эдика, и она оживилась, начала хлопотать у плиты, радуясь, что можно отвлечься на разговор.

– А домик-то маленький уже после достроили окончательно, лет через пять, – рассказывала она, ссылая в кипящий бульон мелко порезанные овощи. – Я уж и не вспомню, зачем он понадобился... По-моему, жил там кто-то из знакомых.

– То есть его не для Сергея Кирилловича строили? – осторожно спросила Наташа.

– Да нет, бог с вами, Наталья Ивановна, он всего лет шесть как у Евгении Генриховны прижился.

– А откуда он вообще взялся?

Ольга Степановна помешала суп, закрыла крышкой и поднесла к носу пучок укропа.

– Укроп хороший, свежий. А то иной раз такую траву купишь, что просто удивление: куда весь аромат делся? Вроде и не старый, а не пахнет почти. Может быть, обрабатывают его чем-то? – Она задумалась, потом вспомнила: – А, так вы про нашего Сергея Кирилловича спрашивали... Не знаю я, сказать честно, откуда он появился. Меня тогда как раз Евгения Генриховна отдохнуть отпускала. Приехала, а домик уже занят. Спрашиваю у нее, а она только смеется и говорит, мол, родственник. Шутит, конечно. Какой он ей родственник! Я так полагаю, что старик – отец кого-то из одноклассниц ее бывших. Евгения Генриховна ведь добрая душа, всем помогает.

Наташу несколько удивили ее слова о новой для нее черте характера свекрови, но спорить она не стала.

– А где вы отдыхали, Ольга Степановна? И, пожалуйста, называйте меня просто Наташей!

Женщина мечтательно улыбнулась.

– Ой, Наташа, отдыхала я – вы не поверите! – в Греции. Целый месяц там прожила. Красота неописуемая: море синее, небо синее, а между небом и морем церкви белые-белые... – Она смущенно рассмеялась. – Я, наверное, глупо рассказываю, да?

– Что вы, что вы, мне очень интересно! Я за границей никогда не была, только на Украине.

– Да... И море чистое: нырнешь – и дно под собой видишь, а на нем ежи морские и всякие рыбки разноцветные. Я в спокойном месте отдыхала, там ни дискотек никаких не было, ни баров шумных. Днем на набережную выходишь – тихо, только море и сосны шумят...

Воспоминания Ольги Степановны прервало шипение супа, выплеснувшегося из-под крышки на горячую плиту.

– Ах, ты ж боже мой! – Она проворно схватила прихватку и подняла крышку, другой рукой убавляя огонь. – Вот, Наташа, что болтовня со мной делает – все забываю! Отвлеклась – и на тебе, плиту залила. Хорошо, Женечка не видела – вот бы она посмеялась...

– А вы давно у Евгении Генриховны работаете? – спросила Наташа, отметив про себя «Женечку».

– Почти тринадцать лет.

– Ничего себе! Так долго!

– Да, много уже времени прошло. Евгения Генриховна меня, можно сказать, спасла. Да вы знаете, наверное. Вам ведь Эдик рассказывал?

– Нет, не рассказывал, – покачала головой удивленная Наташа. – Как это – спасла?

– Да вот так. Сестра у меня была, на два года младше, училась в одном классе с Евгенией Генриховной. Дружить они не скажу, чтобы дружили, но дома у нас Женечка появлялась иногда, вместе с другими девочками. И родителей наших она знала, и бабушку... Ну да не в том дело. Я после института инженером работала, а как перестройка-то началась, нас и посокращали. Двести человек на улице оказались: иди куда хочешь, делай что хочешь. А у сестры моей, страшно сказать, рак нашли, и умерла она, за один год сгорела. Пыталась работу найти, да никому я не нужна была со своим дипломом. А ведь нужно было еще родителей кормить – на их-то пенсию особо не разъешься!

– И как же вы устроились?

– Уборщицей, Наташенька, уборщицей я пошла работать. Сначала, знаешь, стыдно было. С высшим образованием, и полы мыть... А потом радовалась, когда меня в магазин взяли. – Ольга Степановна рассмеялась, вспоминая. – Крутиться весь день приходилось, зато перепадало кое-что из продуктов, а тогда как раз время голодное было. Помнишь, как в очередях за молоком и кефиром стояли, номера писали на руке?

– Помню, – кивнула Наташа.

– Ну вот. А я могла иногда пакетик-другой домой унести, директор наш на такое безобразие глаза закрывал.

– А как же вы с Евгенией Генриховной встретились?

– Да она просто в наш магазин пришла, вот и вся встреча. Узнала сразу же и говорит так строго: что ты, Ольга, тут делаешь? Как будто я выбирать могла... А потом спрашивает: будешь у меня работать, готовить на всю семью? Я, конечно, согласилась. Вот так и живем с тех пор.

Вечером Наташа уложила Тимофея спать пораньше – ей хотелось поговорить с мужем. На втором этаже особняка им были отведены две комнаты – одна для Тимоши, вторая – для них с Эдиком. У нее могла бы быть и своя комната, но она была Наташе совершенно не нужна – вполне хватало и того, что имелось. Детская у Тима просторная, со светлыми обоями, с окнами, выходящими, как и у них, на улицу. Комната же Эдика, которую теперь в доме начали называть семейной, была полностью голубой – голубые обои в мелкий цветочек, постель с покрывалом небесного цвета, бледно-голубые шторы. Просто будуар, а не комната холостяка. Но когда выяснилось, что дизайном занималась Евгения Генриховна, Наташа ничего не стала переделывать, только сменила шторы на темно-желтые с голубым геометрическим рисунком. Даже их ей не удалось выбрать в магазине: Ольга Степановна, узнав о намерении Наташи, принесла из какой-то дальней комнаты штук пятнадцать отрезков, и Наташа выбрала один из них. Оказалось, что в доме регулярно меняют шторы, например, с летних на зимние. И она, Наташа, тоже поменяет. Конечно, когда потеплее станет.

Сейчас Наташа проводила рукой по бархатистой ткани, глядя за окно, а Эдик валялся на голубом покрывале, листая толстый журнал под названием «Эксперт».

– Слушай, Эдик, – начала Наташа, – мне сегодня Ольга Степановна рассказала, как твоя мама ей помогла. – Чуть не прибавила «Я даже не ожидала», но вовремя сдержалась.

– Это когда она продавщицей в магазине работала? – Эдик отложил журнал в сторону и потянулся до хруста в костях. – Или нет, уборщицей. Помню, помню. Да, мама молодец, конечно. У Полесиных в семье всегда готовить любили. Мне мама еще в детстве рассказывала, как анекдот, сколько всего на столставлялось, когда школьниками они к ним домой приходили. И мама, как увидела Ольгу Степановну, поняла, конечно, что той нужно другим делом заниматься. Она еще тогда у меня спрашивала – брать ее к нам в дом или не брать.

Мне лет двадцать с чем-то, что ли, тогда было. И я, помнится, страшно гордился, что она со мной решила посоветоваться.

– Посоветоваться? – машинально переспросила Наташа.

– Да, и решили, конечно, нашу прежнюю домработницу заменить. Она Ольге Степановне в подметки не годилась. Согласись, готовит она отменно. Да, Наташ, чуть не забыл – нас Сваровские приглашают в ресторан, отметить день рождения ребенка. То ли в понедельник, то ли во вторник, точно не помню. Пойдем?

Наташа помолчала, собираясь с мыслями.

– Знаешь, – не очень уверенно произнесла она, – мне как-то не хочется Тимку по ресторанам водить...

– Так ведь детское кафе! Во всяком случае, там игровая комната есть. Наташ, ты что-то темнишь, по-моему.

Иногда Эдик проявлял слегка пугающую Наташу проницательность, и, подумав секунду, она решила сказать правду.

– Если честно, я сама не хочу идти.

– Почему? Тебе Сваровские не нравятся?

– Нравятся. Только они ведь меня знали еще как учительницу их Анжелы...

– Ну и что тут такого? – недоуменно спросил Эдик.

– Эдя, ты такой наивный! – не выдержала Наташа. – Да то, что они меня будут очень внимательно разглядывать и обсуждать, а я не хочу сидеть весь вечер как под обстрелом. Ника человек очень язвительный, хотя и дружелюбный, я не смогу поддерживать беседу на том уровне, который она задаст.

– Да что ты глупости всякие говоришь: уровень... задаст... Там еще будет шесть человек, и никому в голову не придет язвить о чем-то или обсуждать кого-то. А потом, я, конечно, в женской психологии не очень разбираюсь, но, по-моему, люди не придают большого значения нашей с тобой свадьбе. Подумаешь, учительницей ты работала! Один день поговорили – и забыли. А может, и дня не говорили.

– А вот здесь ты ошибаешься, – покачала головой Наташа. – Ладно, пойдем в твой ресторан. Может быть, я и в самом деле преувеличиваю.

– Ну, вот и хорошо! – обрадовался Эдик. – А то ты сидишь дома безвылазно, никуда не ходишь, только с Ольгой Степановной на кухне и беседуешь, бедная моя. Скучно тебе у нас, да?

– Нет, не скучно, – искренне ответила Наташа. – Совсем не скучно.

* * *

Родник действительно был святым, как и обещал Данила. Это чувствовалось сразу и во всем. В дыхании старых деревьев вокруг; в тишине, нарушаемой только плеском воды, падающей из трубы в каменную чашу; в воздухе, пронизанном нежными солнечными лучами, еще не греющими в это время суток. Даже тропинка, по которой они добрались сюда несколько минут назад, была какой-то особенной. Теперь они стояли вокруг чаши с водой.

– Безымянный, дай мне ковш, – негромко попросил Данила.

Один из мужчин расстегнул рюкзак и достал обычный алюминиевый ковшик. Девушке даже стало немного обидно за такую прозаичность, но тут она заметила, что на краю ковша видны грубовато выведенные буквы, незнакомые ей. Она удовлетворенно наклонила голову и кивнула самой себе. В Даниле не сомневаются. К тому же какое значение имеет видимая сторона? Главное – содержание.

Учитель набрал воды в ковш и повернулся к ближайшей фигуре. Словно зная, что нужно делать, та опустила на колени и откинула с головы капюшон. Это была та самая

полная женщина, к которой девушка относилась немного покровительственно, и на секунду ей стало обидно: все-таки первой могла бы быть и она. Но она тут же прогнала от себя нехорошие мысли и попросила у Бога прощения.

Данила отвел руку с ковшом назад и резко выплеснул воду в лицо Безымянной. Женщина слегка дернулась, потом наклонила голову, накинула капюшон. Данила вновь набрал воды и повернулся к следующему Безымянному.

Глядя на то, как ее спутники один за другим опускаются на колени, открывая лица для святой воды, девушка уже в который раз поймала себя на мысли об их уродстве. И опять упрекнула себя за это: ведь только что признала, что внешность – только видимость. Зато каждый из них, кроме немногих, вроде нее и полной женщины, уже проходил этой дорогой. Только последний этап был другим. Она начала было вспоминать, что рассказывал ей Учитель о последнем этапе, пройденном им тогда, когда ее еще не было с ними, но тут Данила остановился напротив нее, и девушка поняла, что подошла ее очередь. Снимая капюшон, стараясь не зажмуриваться в предчувствии холодной воды, она приготовилась, но то, что случилось, застало ее врасплох.

Неожиданно четыре сильных руки подхватили ее сзади и сбоку, подняли и быстро понесли к чаше. Она открыла было рот, чтобы спросить, но, увидев выражение лица Данилы, передумала. Тот стоял и спокойно смотрел на нее – значит, все в порядке. Кивок Учителя – и ее внезапно подняли вверх. Она так и не поняла, кто именно, – лица были закрыты капюшоном. И тут девушка ощутила, что летит вниз головой в каменную чашу с тихо журчащей водой. Она успела только негромко вскрикнуть, когда ее макнули головой в ледяную воду, тотчас залившую нос, рот и уши, – и ее снова вытащили. Секунда на вдох, который она так и не успела сделать, – и снова головой вниз, в темную глубину. Из всей силы мотнув головой, девушка попыталась освободиться, но ей резко нажали на затылок, и она опять погрузилась в холод. На сей раз ее держали дольше, и она носом и подбородком чувствовала шероховатость камня. Только это ей и запомнилось. Рывок вверх – и опять вниз. Секунда, другая, третья. Каким-то шестым чувством она вдруг поняла, что происходящее не игра, что ее действительно могут утопить, и отчаянно задергалась, пытаясь освободиться от мертвой хватки безымянных. Напрасно. В голове раздался звон, сначала издали, потом громче, и она вдохнула черную воду, а в следующий момент уже стояла на коленях перед Данилой, задыхающаяся, отчаянно кашляющая, все еще не осознавшая, что ее вытащили в последнюю секунду.

Продолжая кашлять, она повалилась на бок, но ее подняли и стали придерживать сзади. «Вы с ума сошли?» – хотелось ей крикнуть, но язык не слушался. Наконец удушье отпустило ее, и она уже собиралась закричать, когда раздался голос Данилы.

– Мои безымянные братья! Все вы знаете, что проходящие первую ступень подвергаются нескольким испытаниям, и в зависимости от того, как они пройдут их, мы решаем: достойны ли они дальнейшего продолжения Пути или им еще рано и нужно укреплять свой дух. Сегодня первое испытание выпало на долю этой Безымянной, – рука Учителя провела по мокрому, слипшимся волосам девушки, и она почувствовала тепло. – Вы согласны, что испытание было пройдено?

- Согласны, – негромким хором ответили остальные, стоящие вокруг.
- Вы согласны с тем, что она продолжает Путь с нами?
- Согласны.
- Тогда продолжим наш обряд освящения.

Девушку отодвинули в сторону, и следующий Безымянный занял ее место, чтобы принять воду из святого родника. В голове у нее гудело, руки дрожали, но она была счастлива. Испытание. Она прошла первое испытание. Она продолжает Путь.

Глава 3

Кабинет Евгении Генриховны, как и весь дом, был обставлен в английском стиле. Не псевдоанглийском, вошедшем в моду лет пять назад и так же стремительно из нее вышедшем, а настоящем – сдержанном, дорогом, неброском. Стол был, разумеется, подделкой под Чиппендейла, но подделкой такой, которая через десять лет будет стоить ненамного дешевле оригинала. Солидный шкаф из мореного дуба хозяйка лично присмотрела в Англии, хотя можно было заказать и в России. Мягкая мебель удобная, такая же, как в гостиной. Евгения Генриховна не переносила японский минимализм, в последнее время как стиль воцарившийся везде – от недорогих кафе до пафосных бутиков.

В дверь постучали, и вошел Мальчик Жора. Костюм, галстук, гладко зачесанные назад волосы – типичный молодой человек из хорошей семьи с традициями.

– Евгения Генриховна, к вам господин Илюшин. Примете?

– Знаешь, Мальчик, иногда ты напоминаешь мне дворецкого, – усмехнулась Евгения Генриховна. Достала из ящика стола какие-то документы, разложила их на столе.

– Вы мне льстите. Так что, пустить?

– Зачем спрашивать глупости? Разумеется, пустить. Или он зря ехал из Москвы? И перестань корчить из себя шута. Ты недостаточно убедителен.

Мальчик Жора слегка поклонился, так, что было неясно, иронизирует он или исполняет свою роль всерьез, и вышел из комнаты. Через пару минут дверь снова открылась, и вошел молодой светловолосый парень.

Евгения Генриховна смерила его оценивающим взглядом, сделав для себя первые выводы. Двадцать три – двадцать четыре года, спокойный, амбициозный. Пожалуй, неглупый, что нынче редкость среди молодых людей. Вопрос в том, насколько он окажется лучше предыдущих...

– Добрый день, Евгения Генриховна, – вежливо поздоровался вошедший. – Я прошел сканирование?

– Сканирование? – В первый момент она не поняла, о чем он говорит, а потом снова усмехнулась. – Пока я не определилась. Итак, вы...

– Макар Андреевич. Илюшин.

– У вас весьма своеобразное имя, Макар Андреевич. Рискну предположить, что вас дразнили в школе. Присаживайтесь.

Парень со странным для нынешнего времени именем Макар прошел к столу и уселся на мягкий стул. Задумался на секунду, потом улыбнулся открыто и очень обаятельно.

– Видите ли, Евгения Генриховна, так только кажется на первый взгляд. На самом же деле гораздо проще придумать обидную дразнилку к самому обычному имени, например Максим. Или, еще того хуже, Стас. Особенно в наше время, насыщенное, несмотря на внешнюю терпимость к альтернативной сексуальной направленности, нецензурными словами, характеризующими эту самую направленность.

Евгения Генриховна прищурилась.

– Так вот, – неторопливо продолжил Макар Андреевич, – придумать рифму, да еще и обидную, да еще и короткую, к моему имени достаточно сложно. Если вы попробуете, то сами убедитесь. Поэтому остается безобидное «Макар гонял телят», а также сокращение «Мак». Вот и все. Притом что само имя привлекает внимание и вызывает усмешку.

– Ну что ж, очень интересно и неожиданно...

– Но вы, разумеется, пригласили меня из Москвы не для этого, – закончил за Евгению Генриховну молодой человек.

– Совершенно верно. Я хочу, чтобы вы разыскали мою дочь. Вот здесь, – она подвинула к нему бумаги, – результаты ваших предшественников. Фотография. И еще кое-что, потом посмотрите.

– Так, значит, я все-таки прошел тестирование. – Он не спрашивал, а уточнял.

– Да. По поводу оплаты...

Парень поднял руку, и Евгения Генриховна замолчала.

– Минуточку, госпожа Гольц. Я рад, что соответствую вашим ожиданиям, но пока не уверен, что вы соответствуете моим.

– Что вы имеете в виду? Я вполне платежеспособна, если...

Макар Андреевич поморщился.

– Прошу вас. Я говорю, разумеется, не об этом. Но вы должны понимать, что я работаю с адекватными клиентами, нацеленными не на мифический, а на объективный результат. Я задам вам несколько вопросов. Пожалуйста, отвечайте на них честно.

Евгения Генриховна хотела сказать что-то резкое, но потом передумала и молча кивнула.

– Если я правильно понял, ваша дочь пропала четыре года назад?

– Да.

– Вы с ней ссорились?

– Нет. Да. Подождите, все не так просто... Мы очень любили друг друга, но Элина... я... Наверное, я слишком давила на нее, – словно выжимая из себя слова, проговорила Евгения Генриховна. – Она старалась освободиться от моей опеки, доказать, что может что-то сама, без меня.

– Она могла?

– Да. Она самостоятельно поступила в институт и хорошо училась. Но при этом Элина... Понимаете, она разбалансированная, сама не знает, чего хочет. Я пыталась ее направлять, но мое вмешательство становилось причиной... разногласий.

– Вы били ее?

– Что? Нет, разумеется!

– Хорошо. Она могла уехать от вас надолго и не звонить вам?

– Нет. Она звонила мне раз в два-три дня, иногда раз в четыре. Но не реже. Или я звонила ей сама.

– О чем вы разговаривали?

– Ни о чем. О том, что все в порядке, что она получила пятерку. Что Эдуард, мой старший сын, нашел себе девушку. Ну, я не знаю... О моих делах, в конце концов.

– Госпожа Гольц... – Макар Андреевич сделал паузу и внимательно посмотрел в черные глаза женщины, сидящей за дорогим столом. – Госпожа Гольц, вы понимаете, что вашей дочери нет в живых?

Лицо Евгении Генриховны изменилось, ноздри раздулись. Но она совлادала с собой и произнесла почти ровным голосом:

– Моя дочь жива. Я нанимаю вас именно для того, чтобы вы нашли ее. В каком бы состоянии и где бы она сейчас ни была, она остается моей дочерью, и я...

– Спасибо, госпожа Гольц. – Голос посетителя оказался неожиданно убедительным, и Евгения Генриховна умолкла на полуслове. – Мне жаль, но я не принимаю ваших условий. Приятно было познакомиться. Всего доброго.

Он подвинул к ней бумаги, встал и пошел к выходу. У самых дверей его остановил резкий голос:

– Постойте. Вернитесь.

Макар Андреевич повернулся и подошел к стулу, но не сел, а остался стоять, держась за изогнутую спинку.

– Евгения Генриховна, – мягко начал он, первый раз назвав женщину по имени, – я уже говорил вам о мифических целях и реальных. Я не работаю для создания и поддержания первых.

– Почему вы считаете, что моя дочь...

– Потому что вы мне рассказали все, что надо. Элина исчезла четыре года назад и за прошедшее время ни разу не связалась с вами. Ни разу не поступило и требование о выкупе. А ведь она была достаточно домашняя девочка, хоть и считала себя взрослой и умной. Она любила вас. Уважаемая Евгения Генриховна, я работаю достаточно долго, чтобы понимать, что это значит. Мне очень жаль. Вы можете сейчас выкинуть все мои слова из головы, а я скажу вам, что в жизни бывают самые невероятные случаи, и на этом мы расстанемся. Или я начну искать, кто мог убить ее четыре года назад.

Евгения Генриховна что-то тихо сказала, он даже не сразу расслышал.

– Что, простите? – Макар Андреевич наклонился ближе к столу.

– Это почти невозможно, – повторила она шепотом. Лицо ее обвисло и стало совсем старым.

– Да, – согласился он печально, – это почти невозможно. Если произошло случайное убийство, то невозможно вовсе. К сожалению, даже тела мы не найдем. Да вы наверняка предпринимали все мыслимые шаги, искали среди тел...

– Тогда что же...

– Что я собираюсь делать? Видите ли, есть возможность, что исчезновение вашей дочери не было случайным. И тогда должны были остаться следы.

– Какие следы? До вас работало столько человек...

– Не имеет значения. Я работаю лучше. – В его голосе не звучало ни самодовольства, ни похвальбы. – Если что-то осталось, то я смогу их найти. Но вы должны понимать, что мы ищем.

Повисла тишина. Молодой человек терпеливо ждал. Наконец Евгения Генриховна произнесла почти спокойно:

– Могилу. Я хочу, чтобы вы нашли могилу.

– Вы понимаете, что...

– Да. Я понимаю. Если возможно.

– Хорошо.

Он собрал бумаги, попрощался кивком и вышел. Евгения Генриховна осталась сидеть за столом, глядя в окно, за которым летел мокрый февральский снег. «Гонорар, – вспомнила она. – Мы же не обсудили его гонорар». Она хотела позвонить Мальчику Жоре, чтобы он вернул Илюшина, но тут же поняла. Этот юноша специально не стал говорить о деньгах. Пожалуй, она его недооценила.

– Мам, ищи меня, я спрятался! – неожиданно раздался за дверью пронзительный голос.

Евгения Генриховна потерла лоб рукой и подумала, что сегодня стоит забыть о принципах и ретироваться из собственного дома. И тут зазвонил телефон.

Наташа с Тимом играли в прятки, когда Евгения Генриховна вышла из своего кабинета на втором этаже и быстро прошла мимо них. Наташа как раз нашла Тима, и теперь он радостно барахтался у нее в руках, сопя и повизгивая.

– А я ужасная лисица, я съем маленького крольчонка! – страшным голосом пообещала Наташа, и заметила свекровь: – Ой, добрый день!

– Добрый день, – сдержанно улыбнулась та.

– Тима, что нужно сказать?

– Добрый день, – послушно повторил мальчик. – Мам, а это кто?

Евгения Генриховна остановилась на верхней ступеньке лестницы, ожидая ответа Наташи. Замечательно! Просто замечательно! Чужой байстрюк в ее собственном доме интересуется, кто она такая! Причем его мать уже два месяца проживает здесь с ним, вполне могла бы объяснить своему отпрыску, кто есть кто. Впрочем, что с нее взять...

– Наверное, куница, – прервал ее мысли голос невестки. – А может быть, и белка.

– Нет, не белка! – Пронзительный голос мальчишки заставлял Евгению Генриховну морщиться. Господи, почему он не может разговаривать, как обычные дети? – Я знаю, кто это! Это... это...

– Да? – с улыбкой посмотрела на него Евгения Генриховна. – Ну, Тимофей, скажи, кто я?

– Вы – баба Женья! – торжествующе заявил мальчик. – А вовсе никакая не куница! А я от вас все равно спрячусь, вон за той занавеской.

Он вырвался из рук матери и убежал. Наташа осталась стоять, чувствуя себя крайне неловко.

– Я – баба Женья... – задумчиво произнесла Евгения Генриховна. – Прекрасно. Чем дольше живу, тем больше нового узнаю о себе.

Наташа не сдержалась и хихикнула. Свекровь без улыбки взглянула на нее, кивнула и стала величественно спускаться вниз по лестнице.

– Ты представляешь, Тима твою маму назвал сегодня бабой Женей. – Наташу разбирал судорожный смех.

– Ты что, серьезно? – Эдик недоверчиво взглянул на нее. – Откуда он взял такое?

– Да ты же сам и сказал, забыл?

– А, ну да, точно. Елки-палки, я же не думал, что он при ней скажет...

– Эдя, маленькие дети всегда все повторяют. А потом, как ему еще ее называть?

– Ну, хотя бы тетя Женья, что ли... Тьфу, тоже звучит как-то... не очень. Наташ, и как мама отреагировала?

– Да, по-моему, с юмором. Во всяком случае, не рассердилась.

Эдик задумался, потом погладил жену по руке.

– Знаешь, пусть называет ее бабой Женей. Есть у меня слабая надежда, что у мамы запустится механизм любви к внукам.

– Но ведь Тима не ее внук, – возразила Наташа.

– Теперь – ее, – решительно сказал Эдик. – Вот пусть и привыкает. Честно говоря, мне кажется, что через год она с Тимошкой так будет нянчиться, что мы ее оторвать от него не сможем.

Наташа в сомнении покачала головой – подобная перспектива казалась ей очень и очень маловероятной. Хотя... чем черт не шутит?

Вечером Евгения Генриховна сидела в своем офисе, куда она приехала час назад. День был переполнен отвратительными Знаками, и вот теперь они начинали подтверждаться: только что сидящий перед ней пожилой мужчина произнес фразу, которую не мог, не должен был говорить: «Боюсь, что нам придется уступить».

– Сергей Давыдович, – заговорила она наконец, побарабанив пальцами по столу, – я вас не совсем понимаю.

– Я сам, Евгения Генриховна, ничего не понимаю, – отозвался тот. – Старый, видимо, стал, раз ничего толком узнать не могу – ни кто он, ни откуда вылез, ни чем занимается. Но вот в одном меня убедили – с ним лучше не связываться.

– Кто убедил? – сухо поинтересовалась женщина.

– Не имеет значения, но, уверяю вас, человек очень и очень осведомленный. – И Сергей Давыдович показал пальцем куда-то в потолок.

В комнате опять наступило молчание.

– М-да, как-то не обнадеживающе год начинается, – пробормотала словно про себя Евгения Генриховна. – Ну что ж, я подумаю. Спасибо, Сергей Давыдович, вы свободны.

Пожилый мужчина вышел, а она подошла к окну, за которым виднелся небольшой заснеженный сквер, и глубоко задумалась. Вот теперь дела действительно пошли хуже некуда. А самое главное – непонятно почему. Хотя, если учесть все Знаки, которые посылала ей судьба...

Против воли Евгения Генриховна вспомнила белобрысого мальчишку, постоянно крутящегося по вечерам в ее гостиной. Конечно, а где же ему еще крутиться – ведь это теперь и его дом, как выразился неожиданно поглупевший Эдик. Позволить окрутить себя нищей провинциалке с байстрюком – такого она от сына не ожидала. Вот Элина никогда бы...

Евгения Генриховна силой заставила себя выкинуть из головы мысли о дочери. Сейчас ей требуется вся сила, весь ум, потому что под угрозу попало не просто семейное благополучие, а дело, которым она занималась. Но почему же именно сейчас? В памяти ее опять всплыла смеющаяся детская физиономия, и она поморщилась. Мальчик с идиотским именем Тимофей раздражал ее гораздо больше, чем его простоватая мамаша, – хотя, приходилось признать, за последнее время она приобрела некоторый лоск, – раздражал так сильно, что она еле сдерживалась, чтобы не закричать на него или на своего собственного сына, который нянчился с ним по вечерам, как с родным ребенком. Нет, госпожа Гольц ни на кого не повышала голос – она была слишком хорошо воспитана, а кроме того – не возникало надобности. Но, заслышав Тимошу, пискляво выкрикивающего что-нибудь вроде «Мам, иди сюда! Ну, посмотри!», ей хотелось сначала накричать на глупого невоспитанного мальчишку, орущего по всему дому, а потом схватить за белобрысые кудрявые волосы и вытащить за дверь.

«Мерзость какая, – брезгливо сказала самой себе Евгения Генриховна. – В кого я превращаюсь?»

Но как она ни отгоняла от себя мысли о Тимофее, они возвращались. Во-первых, из-за нелепой фразы Мальчика, предположившего, что Эдуард – подумать только, ее родной сын! – вздумает усыновить чужого ребенка. Нет, такого, разумеется, произойти не может, но сама возможность... И, во-вторых, потому что проблемы начались с его появлением в доме. Евгения Генриховна точно запомнила, когда в ее жизни возник вопящий мальчишка, потому что на следующий день появился Степан Затрава.

Внешне он не представлял собой ничего особенного – полноватый, лысоватый хохол с хитроватой кошачьей усмешкой, в вечно мятом пиджаке. Подсел нахально к Евгении Генриховне, обедавшей в ресторанчике, и сразу перешел к делу.

– Госпожа Гольц, – голос у него неожиданно оказался не вкрадчивым, а неприятным, чуть дребезжащим, – у меня к вам деловое предложение. Собственно говоря, мои люди вам его уже озвучивали, но вы к нему серьезно не отнеслись. Мне кажется, что вам была предложена хорошая сумма, но если вы настаиваете, я готов ее увеличить. Из уважения к вам.

Евгения Генриховна с некоторым любопытством разглядывала наглеца. Действительно, в ее офисе два раза появлялись какие-то предприниматели и предлагали ей совершенно смехотворную сделку: продажу помещений, в которых располагались ее салоны. Очень смешно. Евгения Генриховна даже усмехнулась, вспомнив нелепых визитеров.

Ее бизнес строился на том, что все помещения, где находились парикмахерские, были у нее в собственности. Поначалу, когда она выкупала площадь за бешеные деньги, ее отговаривали: зачем платить такие суммы, если можно просто взять в аренду, как повсеместно и делается? Тем более что салонов было не два и не три, а значительно больше. Но Евгения Генриховна, не слушая никого, продолжала выискивать и выкупать по всему городу старые

офисы, квартиры на первых этажах, которые можно было расселить, пустующие помещения, на которые еще никто не успел наложить свою лапу. И находила. Сначала говорили о ее везении, потом стало понятно, что везением дело не ограничивается – у госпожи Гольц имелись связи, которые позволяли ей успевать туда, куда опаздывали остальные. Салоны приносили очень хороший доход, но первые пять лет почти вся прибыль шла именно на расширение бизнеса. И в конце концов даже противникам пришлось признать, что Евгения Генриховна добилась своего.

Ее салоны располагались по всему городу, причем ни один не занимал арендованную площадь. Поэтому смена владельцев помещения, рост цен на недвижимость не оказывали на бизнес госпожи Гольц никакого влияния. Собственность – вот что было гарантией ее бизнеса. Помимо самих салонов, она представляла собой капитал, и капитал весьма значительный. Сколько ни предлагали ей уступить, даже на очень выгодных условиях, некоторые помещения, она никогда не соглашалась, и пару раз возникали неизбежные в таких случаях конфликты. Но Евгения Генриховна могла быть спокойна – люди, обеспечивавшие безопасность ее бизнеса, знали свое дело. А Евгения Генриховна знала, за что им платит.

И поэтому, когда появились люди Затравы с предложением выкупить все – все! – помещения, она только усмехнулась. Цена, предложенная ими, была вполне обоснованной, но ведь все прекрасно понимают – дело не в цене. Представители фирмы с бесцветным названием «Максимум» были выставлены за дверь.

А через неделю в одном из районных судов Санкт-Петербурга началось слушание дела по факту незаконного приобретения госпожой Гольц Евгенией Генриховной помещения по такому-то адресу. Оказывается, утверждал истец, муниципалитет не имел права отчуждать его, а посему сделка должна быть признана незаконной.

Дело было шито белыми нитками, и у истцов не было никакой возможности его выиграть. Приобретение было совершенно законным, а то, что Евгения Генриховна хорошо знала главу района, никого не касалось.

И все же процесс она проиграла. Адвокат, начавший составлять жалобу в апелляционную инстанцию, позвонил и отказался от денег. Она нашла другого в тот же день. А на следующий узнала, что лучший мастер парикмахерской «Элина», из-за которой шел спор, был найден избитым в подъезде собственного дома: за его жизнь врачи не опасались, но пальцы на обеих руках у парня были переломаны. В милиции Евгении Генриховне объяснили, что ввиду нетрадиционной ориентации ее работника, а также многочисленных его связей наверняка причиной преступления является ревность, а вовсе не мифический дележ собственности.

Госпожа Гольц решила, что имеет дело с уголовниками, а для таких случаев как раз и существовала «прикрывающая организация», или, говоря открытым текстом, «крыша». «Крыша» у нее была проверенная, милицейская, поскольку частным структурам Евгения Генриховна не доверяла. Инцидент был доведен до сведения нужных людей, и она успокоилась. Как выяснилось, зря: через неделю в другом районе начался судебный процесс, аналогичный первому, а представитель «крыши» развел руками. «На любую дубинку есть своя дубинка, – вспомнила Евгения Генриховна его слова. – В вашем случае мы ничего не можем поделывать».

Второй процесс был проигран ею с какой-то немыслимой для российского судопроизводства скоростью, а в ресторанчике, где она любила обедать, появился Степан Затрава и предложил не ссориться, а закончить дележ собственности бескровно. «Вы же все понимаете, Евгения Генриховна, вы же умная женщина, – закончил он. – Зачем зря тратить мое и ваше время? Подумайте, сколько вы хотите за ваше имущество, и мы прекратим столь утомительный балаган. Вот мои телефоны. Всего доброго».

Мысль о том, чтобы рассмотреть предложение Затравы, Евгенией Генриховной даже не обдумывалась, но было понятно, что к этому человеку следует отнестись более чем серьезно. И прежде всего нужна информация. И она занялась ее сбором. Но последний человек, имевший реальную возможность что-то выяснить, полчаса назад сообщил, что ей придется уступить. Сие могло означать только одно – за Затравой стоят люди такого уровня, что ей не имеет смысла с ними конфликтовать – можно потерять слишком многое.

Евгения Генриховна приложила ладонь ко лбу и в очередной раз подумала: непредвиденно возникшие проблемы, которые нужно как-то решать, навлек на нее маленький бело-брысый мальчишка с глупым именем Тимофей.

* * *

Идти было тяжело. Во-первых, изнуряющий, бесконечный дождь, который шел, почти не прекращаясь, третий день. «Дождик лил, лил и лил», – вспомнила девушка фразу из любимой книжки про Винни-Пуха, которую няня читала в детстве. Но сейчас было вовсе не весело. Зачем нужно идти под дождем, она не понимала, но спрашивать было нельзя. Никто не спрашивал, значит, и она не должна.

Во-вторых, полная женщина, которая, казалось, распухла за время их пути. Она кашляла четвертый день подряд, кашляла долго, надрывно и особенно заходилась по ночам. Ее хрипы слышали все, и, лежа в своей палатке с открытыми глазами, девушка думала: как же выдерживают те, кто спит с ней рядом? Она ведь им мешает.

К концу третьего дня дождь перестал, но дорогу развезло так, что идти стало невозможно. Данила сверился с картой, свернули в лес и сделали привал. Девушка долго отогревалась в палатке, вслушиваясь в кашель толстой Безымянной, и думала, как лучше сказать то, что она хотела.

Перед сном Данила зашел в палатку, взял ее промокшую майку и вышел. Все вещи развешивались над костром, около которого дежурил кто-то из Безымянных, и сейчас во влажном воздухе остро пахло дымом.

– Данила, – несмело обратилась она к Учителю, когда он вернулся, – можно я скажу?

Тот кивнул.

– Тебе не кажется, что Безымянную, которая кашляет, нужно в больницу? Ведь такая погода стоит...

– Завтра будет сухо, – без выражения ответил Данила.

Девушка сбилась с мысли, хотела спросить, откуда он знает, но потом решила не спрашивать.

– Понимаешь, она ведь уже заболела и всем мешает...

– Безымянная, говори за себя, – строго поправил Данила. – Она мешает тебе, правда? Про остальных ты не можешь знать.

Девушка послушно кивнула. Она не представляла себе, как можно спать под такой кашель, но Учитель был прав, говорить нужно только за себя.

– Но я... я беспокоюсь о ней. Мне кажется, что она чувствует себя плохо. И я видела, что у нее распухли ноги.

– Не настолько, чтобы она не могла идти. А самое главное... – Лицо Данилы смягчилось. – Я понимаю твою заботу и разделяю ее, но сделать мы ничего не можем. Рядом нет больницы.

– Но ведь мы проходили мимо деревни, ее можно, наверное, оставить там... Дать денег или просто попросить, чтобы ее отвезли в райцентр. Мы ведь недалеко отошли от деревни, правда?

Данила посидел молча, потом поднял на девушку синие глаза.

- Гораздо дальше, чем ты думаешь, – покачал он головой.
 - Но все-таки...
 - Достаточно, Безымянная. Я тебя слышал. Слушай Господа.
 - Слушай Господа, – автоматически ответила она.
- Данила встал и вышел наружу. В соседней палатке раздался хриплый, резкий кашель.

Наутро встали рано, позавтракали и вышли из леса. Оказалось, что раскисший участок через каких-то двести метров сменяется песчаной дорогой, идущей вдоль поля, и все обрадовались. Идти было хорошо, и, если бы не кашель за спиной, девушка была бы совсем рада. Учитель не рассердился вчера на ее просьбу и даже, кажется, остался доволен. Если так, она готова слушать кашель женщины до конца пути.

– Мои безымянные братья! – обратился к ним Данила, когда они прошли около трех километров и вышли к небольшой речке, неспешно текущей среди зарослей осоки и камыша. – Наш первый приют будет скоро – меньше чем через день пути. Мы выйдем к Церкви апостола Павла, где нам дадут приют. Пусть это вселяет в вас веру. Слушайте Господа!

Полная женщина закашлялась так, что не смогла даже ответить Учителю, и девушка заметила, как один из сильных Безымянных – она привыкла называть их про себя Охранниками – пристально смотрит на нее. Через некоторое время он уже шел рядом с Данилой, негромко разговаривая с ним.

Вечером у костра Безымянная кашляла беспрерывно, и в конце концов Данила встал, отозвал в сторону Охранников и коротко переговорил с обоими. Вернувшись, он объявил:

– Безымянные братья, я принял решение. Эта Безымянная, – он показал рукой на хрипящую женщину, – должна покинуть нас. В том нет ее вины. Она попадет туда, где ей окажут помощь.

– Спасибо, Учитель, – ответила женщина, утирая выступившие от кашля слезы. – Мне жаль, что я не выдержала путь, но надеюсь, у меня будет возможность пройти его с тобой в другой раз.

– Прощайтесь же с нашей Безымянной сестрой, – предложил Данила. – Она сейчас покинет нас в сопровождении этих Безымянных, – он кивнул на Охранников. – Они проводят ее и вернутся. Идти недалеко, они хорошо знают дорогу.

Один за другим паломники начали подходить к полной женщине и что-то негромко говорить, наклоняясь к ней. Девушка не знала, есть ли какая-то особая процедура в таких случаях или она может сказать что-то свое, а Данила не подавал никакого знака. Когда подошла ее очередь, она наклонилась близко к опухшему лицу женщины и сказала тихонько:

– Выздоровливай, Безымянная. Выздоровливай скорее.

Женщина подняла на нее глаза, и девушка впервые заметила, что они красивого темно-серого цвета. Странно было видеть на оплывшем, уродливом, в общем-то, лице такие глаза.

– Вера, – неожиданно прошептала Безымянная.

– Что? – не поняла девушка.

– Меня зовут Вера. Запомни, меня зовут Вера.

Удивившись, девушка попыталась что-то спросить, но сзади уже подходила следующая Безымянная в надвинутом до глаз капюшоне, и она отошла в сторону. Слегка ошарашенная, девушка наблюдала со стороны за прощанием, за тем, как Безымянная поцеловала ладонь Учителя и наконец, кашляя через каждые три шага, торопливо пошла с двумя сопровождающими между деревьев туда, где виднелся просвет.

– Безымянная, сегодня ты дежуришь у костра, – сообщил ей кто-то из проходящих мимо. – Тебя разбудят в два часа, так что ложись скорее, чтобы успеть выспаться.

Ночью ее растолкали, она оделась и вышла наружу. Ночь стояла теплая, звездная, и она подумала, что сидеть у костра в такое время – одно удовольствие. Можно было бы даже спать не в палатке, а прямо на земле. Где-то в глубине леса ухала птица, а из травы неподалеку раздавался стрекот, то громкий, то приглушенный. В одной из палаток громко храпели. От срубленных сосновых веток возле костра остро пахло смолой. Девушка привалилась к стволу дерева и незаметно задремала.

Проснувшись она от того, что ей захотелось в туалет. Часов ни у кого из Безымянных не было, но, оглядевшись спросонья, она поняла, что еще очень рано, часов пять утра. В лесу было очень тихо. Осторожно, стараясь никого не разбудить, девушка встала и пошла в глубь леса.

Зайдя за густой куст, она присела, чувствуя себя очень неловко – все-таки сказывались городские привычки изнеженной барышни. К тому же мысль о том, что кто-то из Безымянных может проснуться, пойти за той же надобностью и наткнуться на нее, заставляла девушку чутко прислушиваться и постоянно оглядываться. Слева ей почудился негромкий треск, она торопливо вскочила и стала внимательно всматриваться в предрассветную мглу.

Никого. Показалось. Девушка облегченно вздохнула, но решила зайти подальше в лес, куда наверняка никто из ее спутников не сунется. После долгих поисков она нашла наконец достаточно укромное место. «Пора перестать быть такой стыдливой, – сказала девушка самой себе, застегивая молнию на джинсах, – который день идем, а я по-прежнему за два километра бегаю по любой нужде». Она засмеялась сама над собой и огляделась. Позади нее была небольшая полянка, заросшая густой, ровной зеленой травой, из которой торчали высокие сиреневые цветы. Девушка наклонилась над одним из них, но лепестки цветка были почти сомкнуты и запаха не ощущалось. Она попыталась сорвать его, но стебель оказался неожиданно прочным и не хотел поддаваться. Тогда она потянула сильнее... и не сразу поняла, что произошло. Вместе со стеблем сдвинулась трава. Девушка нахмурилась, потянула еще раз, и большой пласт травы, на краю которого рос цветок, отошел от земли, открывая то, что было под ним. Земля, сплетение корней, что-то белое...

Девушка склонилась над тем, что лежало в земле, не понимая, как *это* могло здесь очутиться. Как может под травой быть маска, да еще такая... Внезапно она поняла. В первую секунду она пристыла к земле, а во вторую одним прыжком отскочила от того невозможного, что лежало перед ней. Из желудка поднялась отвратительная волна и выплеснулась на кусты. Девушка вытерла рот дрожащей рукой, постояла и медленно подошла к «маске».

Стараясь не притрагиваться к земле, осторожно потянула на себя травяное одеяло, и оно подалось, постепенно открывая лежащее под ним тело. У девушки подкосились ноги, и она опустилась на колени рядом с белым лицом женщины, которая просила запомнить, что ее зовут Верой. На лице была земля и травинки, но оно было спокойным, только чуть удивленным. Девушке показалось, что одна щека дернулась, и она чуть было не закричала, но тут увидела, что вокруг щек, и губ, и носа, и рта копошатся маленькие букашки и муравьи. Она издала негромкий звук, как будто ей не хватало воздуха, и начала быстро, очень быстро закрывать травой и тело, и лицо, и волосы. Ей показалось, что трава легла неровно, и тогда она отломала ветку, поправила ею траву.

Когда она вышла из леса десять минут спустя, у костра никого не было. Все спали. Девушка села на подстилку, бессмысленно глядя на тлеющие огоньки в золе и повторяя про себя: «Вера. Запомни, меня зовут Вера».

Глава 4

Раздражение. Вот самое точное слово для обозначения того состояния, к которому постепенно переходила Наташа от своей первоначальной растерянности. В конце концов, кем бы она ни была раньше, сейчас она – жена Эдуарда Гольца. При регистрации брака Наташа взяла его фамилию вместо прежней, Зинчук, и ей очень нравилось, как это звучит: Наталья Гольц. Конечно, несколько портило «мелодию» простецкое отчество Ивановна, но не всем же быть Генриховнами.

Поскольку сама Наташа сейчас не зарабатывала, Эдик предложил вполне разумный, с его точки зрения, вариант: половину того, что зарабатывает, он отдает ей. Расходы на обучение Тимоши несет Эдик, так же как и все расходы по содержанию дома. Наташе такое распределение не понравилось – получалось, что сам Эдик остается ни с чем. Но он объяснил: помимо доходов из банка у него есть еще кой-какие средства, приносящие выгоду. Акции, например. И наследство, оставшееся от бабушки и до сих пор хранившееся в неприкосновенности. Так что за его финансовое благополучие Наташа может не беспокоиться.

Так и получилось, что весьма значительную сумму она могла теперь почти полностью тратить на себя. Осознав это, Наташа записалась в салон красоты и, выйдя оттуда, решила, что теперь будет за собой ухаживать, раз появилась такая возможность. Она купила несколько вещей, которые ей нравились, но от «недельного шопинга», как выразился Эдик, отказалась – ей было немного стыдно тратить столько денег на одежду. Послала приличную сумму родителям, а остальное отложила «на черный день».

Теперь она одевалась дома так же, как все остальные члены семьи, – в одежду, в которой можно было бы встречать гостей или ходить на работу, если бы она работала. Юбки, тонкие джемпера, обязательные туфли. Легкий макияж, уложенные волосы. Ей уже не казалось странным, что можно весь день, как Игорь Сергеевич, просидеть в кресле, почитывая Бальзака, но для Наташи это было скучно. Эдик обещал, что в августе они поедут на море, и она с нетерпением ждала лета, а пока занималась собой. А что, хорошее выражение, ведь раньше-то она занималась только другими.

Но никто в доме, кроме Эдика, не оценил произошедших с ней изменений! Вот то, что вызывало у Наташи вполне закономерное раздражение, которое она всячески старалась скрывать. Однако не всегда получалось. Особенно выводили ее из себя надменные манеры рыжеволосой Аллы Дмитриевны.

Как-то раз, заметив Тима, копошащегося около дивана, Алла Дмитриевна обратилась к Наташе:

– Будьте добры, уберите ребенка с ковра. Он имеет большую ценность в глазах Евгении Генриховны.

«Имеет большую ценность... в глазах...» – передразнила про себя Наташа странную, какую-то книжную фразу госпожи Бобровой, а вслух заметила:

– Вы думаете, ребенок может его испортить?

– Ну, не знаю, – брезгливо повела плечами Алла Дмитриевна. – Вдруг описается, или его стошнит, или еще что-нибудь подобное... Вам лучше знать своего сына.

От этой брезгливости, от интонации, как будто речь шла о противном насекомом, Наташу охватило бешенство. Но она сдержалась.

– Мой ребенок, – с еле сдерживаемой ненавистью сказала она, глядя в холодные зеленые глаза, – писает и какает исключительно в отведенном для этого месте, причем с полутора лет. А стошнить его может...

«Стоп!» – сказал внутренний голос. «Не смей!» – прикрикнул внутренний голос. «Закончи фразу иначе!» – рявкнул внутренний голос. Но было поздно.

– Исключительно от вас, – закончила фразу Наташа, не слушая его разумных советов. И присела рядом с Тимкой собирать пирамиду из кубиков.

– Вы дурно воспитаны, моя дорогая, – раздался спустя некоторое время спокойный, высокомерный голос. – Будем надеяться, это ненадолго.

Что хотела сказать последней фразой Алла Дмитриевна, Наташа не знала и не хотела знать. Но теперь, после неприятного инцидента, присутствие Аллы Дмитриевны в комнате заставляло Наташу слегка поеживаться, как если бы в ней была открыта форточка.

А вот от подруги Аллы Дмитриевны, проводившей в особняке Гольц много времени, становилось жарко. Наташа так до конца и не уяснила себе статус Елены Семеновны, которая чувствовала себя здесь, по всей видимости, очень свободно, но всегда старалась исчезнуть до прихода Евгении Генриховны. Полная блондинка с короткой стильной стрижкой, она была представлена Наташе Игорем Сергеевичем как подруга семьи. Со временем стало ясно, что под семьей имеются в виду исключительно Бобровы – со всеми остальными, включая Эдика, Елена Семеновна почти не общалась. Как-то раз, проходя мимо комнаты младшего брата, как Наташа называла про себя Игоря Сергеевича, она услышала приглушенный женский смех. Все бы ничего – подумаешь, женщина смеется в доме! – но смех произвел на Наташу впечатление чего-то... несколько ненормального, что ли. Она и самой себе не могла толком объяснить, что именно не понравилось в том смехе. Истерический он был, неправильный. И самое главное – смеялись две женщины, а не одна.

Жарко же Наташе от присутствия милейшей, чуть колыхающейся на ходу, как медуза, Елены Семеновны становилось по следующей причине. Месяц назад, случайно заглянув после обеда в гостиную, Наташа наткнулась на нее и на Игоря Сергеевича. Младший братец представил их друг другу и тут же вышел, вспомнив про какие-то дела. Женщины остались одни.

– Наслышана, наслышана о вас, – склонив голову набок, приветливо сказала Елена Семеновна. – Значит, вы – новая пассия нашего дорогого Эдика.

– Вас неверно информировали. Я не новая пассия, а его жена, – так же приветливо отозвалась Наташа.

Елена Семеновна замолчала и спокойно, если не сказать бесцеремонно, стала рассматривать Наташу. Небольшие голубые ее глаза изучили лицо, обежали фигуру... и вот тут-то Наташа ощутила то самое стеснение, которое всегда появлялось у нее и после, когда она сталкивалась с подругой Бобровых. Елена Семеновна неожиданно легко встала с кресла, подошла к Наташе вплотную и остановилась, не говоря ни слова. На лице ее по-прежнему играла легкая улыбка. Наташа почувствовала себя очень глупо и не нашла ничего лучше, как спросить:

– А вам этот дом нравится?

– Нравится, – после небольшой паузы протянула Елена Семеновна. – Мне и то, что в доме, очень нравится. Вот, например, вы мне нравитесь.

Обычная фраза, которую Наташа от любого другого человека восприняла бы как искреннее изъятие симпатии, в устах Елены Семеновны звучала несколько двусмысленно и как-то... неприятно. Словно на самом деле про себя она говорила совсем другое.

– Спасибо, – ответила Наташа, собираясь уходить. – Всего доброго, мне уже пора...

– Куда вы собрались так рано, Наташа? – удивилась Елена Семеновна, словно невзначай взяв Наташу за руку.

Прикосновение ее пальцев оказалось неожиданно горячим, так что Наташа даже вздрогнула.

– Э-э, милочка, да вы никак меня боитесь! – расхохоталась женщина. – Ну что вы, я вовсе не страшная. Вы в этом скоро убедитесь. Вот, посмотрите-ка на меня.

Она приблизила к Наташе свое лицо, и той внезапно стало не по себе.

– Простите, мне нужно идти. – Наташа силой вырвала руку из цепких полных пальчиков и почти бегом выскочила из гостиной. Вслед ей донесся негромкий довольный смех.

– Эдик, кто такая Елена Семеновна? – спросила вечером Наташа после того, как уложила Тимку.

– Елена Семеновна? А, Петровская... Она школьная подруга Аллы. Или институтская, точно не помню. А что, ты с ней уже успела познакомиться?

– Да, успела, – пробормотала Наташа. – Она какая-то странная, знаешь...

– Типичная лесбиянка, по-моему. Надеюсь, она к тебе не приставала? – улыбнулся Эдик. – Вообще-то милая женщина, улыбочивая такая. Да бог с ней, расскажи, как у вас с Тимом день прошел.

Рассказывая о пустяках, накопленных за день, Наташа не могла отделаться от ощущения, что с Еленой Семеновной что-то не в порядке. И дело было не только в том, что, по выражению Эдика, она была «типичной лесбиянкой». О последнем-то Наташа начала догадываться и сама. Было еще что-то, что-то другое... Какая-то мысль на секунду промелькнула у нее, но тут же исчезла. «Действительно, бог с ней», – подумала тогда Наташа и выкинула Елену Семеновну из головы.

Игорь Сергеевич сидел, по своему обыкновению, в гостиной, когда в дверях появилась Илона.

– Здравсьте! – поздоровалась она. – А я тут сейчас убираться буду, так что попрошу, Игорь Сергеевич, перейти в другое место.

– Илона, – промурлыкал Бобров, – ну зачем же так официально? Я ведь просил называть меня Игорем. Ты сегодня просто сногшибательна.

Он встал, подошел к девушке, протиравшей подоконник. Рука его невзначай скользнула по тонкой талии, спустилась ниже... Илона глянула из-под длинных опущенных ресниц и, слегка улыбнувшись, отвела руку Боброва.

– Ну что ты, что ты, красавица моя, – зашептал ей в ухо Игорь Сергеевич, – мы же с тобой договаривались... ты же сама обещала... Ну Илона!

– Вы, Игорь Сергеевич, что-то путаете, – усмехнулась девушка, отстраняясь. – Что я вам такое обещала? Или, может, мы с вами договор подписывали?

– Ну как же, Илона... – начал было Бобров, и тут лицо его изменилось. Обернувшись в ту сторону, куда он смотрел, Илона увидела стоящую в дверях Аллу Дмитриевну.

– Здравствуйте, Алла Дмитриевна, – улыбнулась она, взяла с подоконника тряпку и стала небрежно водить ею по раме.

Не ответив, та прошла мимо девушки, остановилась напротив мужа и пристально посмотрела на него.

– Аллочка, а ты что сегодня так рано? – удивился Бобров, пытаясь обнять ее и увести из комнаты. Алла Дмитриевна стояла неподвижно. – Да что ты молчишь? Случилось что-нибудь?

– Случилось? – Тонкий накрашенный рот искривился, и лицо Аллы Дмитриевны приобрело настолько неприятное выражение, что Игорю Сергеевичу, как обычно в подобных случаях, стало очень и очень не по себе. – Ничего не случилось. Сделай мне массаж, я устала, – повелительно бросила она и направилась к выходу.

Бобров нашкодившей собачонкой потрусил за ней, даже не посмотрев на Илону.

Оставшись одна, девушка походила по комнате, рассеянно протирая то шкаф, то полки, полила цветы и остановилась около окна.

– Скучаем? – раздался сзади вкрадчивый голос.

Илона рассмеялась.

– Что нас так насмешило, дорогая моя кудесница тряпки и веника? – Мальчик Жора неслышно подошел сзади и обнял ее.

– Да вы, кобели, – огрызнулась Илона, освобождаясь. – Проходу не даете.

– Кто ж виноват, дорогая моя, что ты у нас такая сексуальная! Просто пройти мимо тебя невозможно.

– А ты и не ходи, сиди в хозяйкиной комнате и делом занимайся.

– А я уже позанимался одним делом, теперь хочу позаниматься другим...

– Жора, иди к черту, я сказала! Не хочу я сейчас!

– Да что на тебя нашло? – разозленный Жора отошел от девушки и плюхнулся на диван. – Пыли, что ли, много скопилось? Или тебя престарелый козлик достал?

Илона огляделась вокруг и покрутила пальцем у виска.

– Ты че, с ума сошел, что ли? – негромко сказала она. – А если тебя услышит кто и хозяйке скажет? Придется ведь другое место искать.

– Вот уж, лапушка моя, не твоя забота. Еще вопрос, кому мадам больше поверит: мне или злобным клеветникам.

Илона нахмурилась, потом на лице ее отразилась какая-то мысль. Она усмехнулась.

– Что, орел, оприходовал хозяйку, что ли? – тихо спросила она, подходя к Жоре, вольготно раскинувшемуся на диване, вплотную. Тот заерзал и отодвинулся. – Ну, говори уж.

– Чего тебе говорить? Я тебе уже все сказал и повторять не буду, – так же тихо отозвался тот. – И вообще, если ты не настроена сегодня, то занимайся своей уборкой.

Он встал и пошел к дверям, но на полпути обернулся и заметил, как бы между прочим:

– Да, кстати, будь так любезна, протри в кабинете пол. Я там сок разлил.

Илона дернулась, словно от пощечины, хотела что-то ответить, но Мальчик Жора уже вышел из гостиной. В воздухе остался запах туалетной воды «Фаренгейт», и Илона вспомнила флакон из-под нее – с темно-красной, почти багровой полосой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.